

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Институт филологии и языковой коммуникации
Кафедра романских языков и прикладной лингвистики
45.03.02 Лингвистика

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой РЯиПЛ
_____ А.В. Колмогорова
« ____ » _____ 2018 г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА
**СТРАТЕГИИ ГРУППИРОВАНИЯ ЯЗЫКОВЫХ И
НЕЯЗЫКОВЫХ ОБЪЕКТОВ**

Выпускник	А.А. Модылевская
Научный руководитель	канд. филол. наук, доц. каф. РЯиПЛ А.А. Яковлев
Нормоконтролер	В.В. Ефимова

Красноярск 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. КАТЕГОРИЗАЦИЯ КАК ОДНА ИЗ ОСНОВНЫХ КОГНИТИВНЫХ ОПЕРАЦИЙ	7
1.1. Языковые категории как формат знания	7
1.2. Психологический и лингвистический подход к категоризации	15
1.3. Методы изучения категоризации	22
1.3.1. Исследование категоризации методом свободной классификации	22
1.3.2. Метод формирования искусственных понятий	25
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1	29
ГЛАВА 2. Экспериментальное изучение стратегий группирования языковых и неязыковых объектов	31
2.1. Анализ результатов эксперимента с группированием неязыковых объектов (монет)	31
2.2. Анализ результатов эксперимента с группированием языковых объектов (слов и квазислов)	43
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2	66
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	74
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	77
ПРИЛОЖЕНИЕ А. Материал, использованный для проведения эксперимента с неязыковыми объектами (монеты)	81
ПРИЛОЖЕНИЕ Б. Материал, использованный для проведения эксперимента с языковыми объектами (слова и квазислова)	82

ВВЕДЕНИЕ

Сегодняшний период развития лингвистической науки характеризуется постоянным поиском новых решений центральных проблем организации языка и его функционирования в контексте того, что знания о его ментальной основе, о языке как когнитивной способности и одном из инструментов мышления, о специфике человеческого мозга и познавательных процессов, об отличительных особенностях языковой картины мира и языкового сознания постоянно пополняются. При рассмотрении этих проблем лингвисты во многом опираются на теоретические положения и практические результаты, полученные в смежных областях знания: логике, философии, психологии, психолингвистике, медицине и пр.

Вклад самой лингвистики в данную проблематику связан с анализом конкретных форм проявления вышеперечисленной специфики в языке, выявлением языковых средств и способов осмысления и категоризации окружающего мира. Человек познает мир через исчисление и классификацию представляющих мир элементов. В основе категоризации, как одного из основных ментальных процессов познания, лежит операция обобщения – поиск сходств и различий, а результаты такой деятельности всегда оказываются вербализованными. Поэтому, если, с другой стороны, сделать обобщение целью направленной деятельности, поместить его в условия эксперимента, слово может дать нам «доступ» к ментальным процессам. Изучая литературу по данному вопросу, мы нашли, что вопрос обобщения как основной операции категоризации и концептуализации редко рассматривается с этих позиций и исследуется с помощью таких методов, которые обычно используются в рамках психолингвистической науки. Мы предположили, что стратегии, применяемые людьми при классификации объектов разного рода, могут позволить нам проникнуть в суть процесса обобщения.

Таким образом, **объектом** исследования являются стратегии группирования языковых и неязыковых объектов.

Предметом служат сходства и различия в стратегиях группирования языковых и неязыковых объектов.

Цель исследования – выделить те стратегии, которыми руководствуются люди при классификации языковых и неязыковых объектов, выделить наиболее часто встречающиеся критерии группирования.

Исходя из цели, были поставлены следующие **задачи**:

- 1) изучить литературу по данной проблематике;
- 2) провести эксперимент с группированием языковых и неязыковых объектов при помощи метода свободной классификации;
- 3) обработать полученные результаты, выделить наиболее часто встречающиеся критерии распределения и общие тенденции классификаций, попытаться объяснить их;
- 4) проследить общие для каждого типа объектов тенденции и попытаться сравнить их.

Теоретическая значимость работы состоит в том, что она вносит вклад в теорию категоризации, проливает свет на различия понятий, образованных языковыми и неязыковыми объектами.

Практическая значимость работы состоит в том, что ее результаты могут использоваться в преподавании курсов по общему языкознанию, когнитивной лингвистике и т.п.

Гипотеза исследования: языковые и неязыковые объекты группируются по разным факторам, отражающим их разные свойства, и эти факторы являются одновременно объективными и субъективными.

Методы исследования: экспериментальный метод (свободной классификации), метод сравнительного анализа.

Материалом исследования послужили результаты эксперимента по группированию сначала неязыковых (монеты), а затем языковых объектов (слов и квазислов) 101 информантом.

Методологической и теоретической базой работы послужили различные исследования ученых-психолингвистов – А.А. Залевской [Залевская, 2005], Е.Ф. Тарасова [Тарасов, 1987], Р.М. Фрумкиной [Фрумкина, 1984], лингвиста-когнитолога Н.Н. Болдырева [Болдырев, 2001; 2006], психологов Л.С. Выготского [Выготский, 1959; 1960; 2008] и А.Р. Лурии [Лурия, 1979], вслед за которыми в рамках нашего исследования мы применяем метод свободной классификации.

Сравнение стратегий, выбираемых при классификации языковых и неязыковых объектов, делается возможным на основе предположения о том, что стоимость монеты и значение слова тождественны по своей природе: как за знаковой оболочкой слова стоит приобретенное им в общественном сознании понятие и отношение к референту, так и номинал монеты есть общественно значимая форма стоимости, универсальный эквивалент ценности.

Работа состоит из введения, двух глав, заключения, и списка использованных источников. Во введении содержится обоснование актуальности и практической значимости исследования, формулируются его цель и задачи, определяются методы, объект и предмет выпускной квалификационной работы. В первой главе кратко представлена история исследования проблематики в отечественной и зарубежной лингвистике, описаны теоретические установки и предпосылки для использования приведенной методики. Роль слова в формировании понятий рассматривается в свете учения Л.С. Выготского [Выготский, 2008]. Кроме того, в этой главе обосновывается введение квазислов и применение метода свободной классификации. Во второй главе представлена практическая часть исследования, в которой анализируются полученные в результате эксперимента данные. Вторая глава делится на две части: в первой части предпринимается попытка выделить тенденции группирования неязыковых объектов, а во второй – языковых. В заключении представлены основные выводы по теоретической и практической частям исследования, отмечена

практическая значимость, а также намечены перспективы для дальнейшего изучения.

Материалы исследования были представлены на VII Международной молодежной научно-практической конференции на иностранных языках «Современные тенденции мирового сотрудничества» (Новосибирск, 2018), где работе было присуждено третье место. Также по теме ВКР опубликована следующая статья:

1. Modylevskaia A. Stratégies du groupement des objets linguistiques et non-linguistiques // Материалы VII Международной молодежной научно-практической конференции на иностранных языках «Современные тенденции мирового сотрудничества» (Новосибирск, апрель 2018). (в печати).

ГЛАВА 1. КАТЕГОРИЗАЦИЯ КАК ОДНА ИЗ ОСНОВНЫХ КОГНИТИВНЫХ ОПЕРАЦИЙ

1.1. Языковые категории как формат знания

Окружающий мир репрезентирован в сознании человека множеством категорий, которые представляют собой определенные рубрики опыта освоения этого мира и различного взаимодействия с ним. Познавая мир, человек сталкивается с разнообразием вещей, событий и их всевозможных характеристик. Выделяя, осмысливая и сопоставляя их с имеющимися знаниями, он присваивает им конкретные обозначения, т.е. закрепляет их с помощью языка за данными рубриками-категориями в своем сознании.

Результаты мыслительной деятельности часто оказываются вербализованными, именно поэтому именно через язык мы можем «получить доступ» к пониманию когнитивных процессов, присущих человеку. Языковые категории, с помощью которых человек упорядочивает полученные знания о мире и о себе и которые обеспечивают единство языка как системы во всех его индивидуальных проявлениях, относятся к числу важнейших форм языкового сознания. Язык является средством концептуализации и категоризации любых объектов, в том числе собственное языковых единиц и явлений, определенным способом форматирования полученных знаний. Все знания о мире хранятся в нашем сознании в категориальной форме. Это означает, что признаки и характеристики, формирующиеся в сознании человека в виде тех или иных концептов, не ограничиваются одним конкретным объектом, а распространяются на определенные классы объектов. По мнению R. Brown, «в процессе познания все явления мира подвергаются множественной категоризации» [Brown, 1958: 225].

Основные процессы категоризации (отнесение к определенным рубрикам опыта – категориям) и концептуализации (осмысления и закрепления результатов познания в виде единиц знания – концептов)

обнаруживают у людей общие закономерности. Эти закономерности находят свое отражение в языке в виде трех систем языковой категоризации: лексической, грамматической и модусной, или интерпретирующей [Болдырев, 2006: 12].

Процесс концептуализации при этом первичен: он направлен на выделение минимальных содержательных единиц человеческого опыта, структур знания. После того, как эти минимальные содержательные единицы выделены, происходит объединение сходных или тождественных единиц в более крупные разряды – категории [Краткий словарь когнитивных терминов, 1996: 93]. Проблемы концептуализации и категоризации рассматриваются в настоящее время в качестве центральных проблем когнитивной лингвистики. Под концептуализацией принято понимать «осмысление поступающей информации, мысленное конструирование предметов и явлений, которое приводит к образованию определённых представлений о мире в виде концептов (т.е. фиксированных в сознании человека смыслов)» [Болдырев, 2001: 22]. Говоря более подробно, концепт – это оперативная содержательная единица мышления, единица или квант структурированного знания [Краткий словарь когнитивных терминов, 1996: 90]. Концепты различаются в зависимости от составляющих их признаков, таких как, например, размер, форма, цвет обозначаемых предметов и т.д.; соответствующий набор таких признаков складывается в концепт [Markova, 1982: 46]. Категоризация при этом обычно понимается как «процесс образования и выделения категорий, членения внешнего и внутреннего мира человека сообразно сущностным характеристикам его функционирования и бытия, упорядоченное представление разнообразных явлений через сведение их к меньшему числу разрядов или объединений» [Краткий словарь когнитивных терминов, 1996: 42]. В то же время, категоризация как познавательный процесс – это мысленное соотнесение объекта или события с определенной категорией [Болдырев, 2001: 23]. Из этого определения следует, что на первый план вышло представление о категориальном признаке как некоем признаке или

параметре, который лежит в основе разбиения обширной совокупности однородных языковых единиц на ограниченное число непересекающихся классов, члены которых характеризуются одним и тем же значением данного признака [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990: 215]. Под категорией же понимается концептуальное объединение объектов, или объединение объектов на основе общего концепта [Болдырев, 2006: 6].

Стремление к категоризации действительности составляет одну из важнейших сторон мыслительной активности человека; она основана на выявлении базовых свойств определенных сущностей, которые прослеживаются в процессе обработки и интерпретации полученных знаний. В процессе сравнения познающий пытается сопоставить одни структурированные концептуальные представления с другими и определить, насколько и как они похожи или различны [Bowerman, Choi, 2003: 408]. D. Gentner и A. Markman добавляют: «Сначала совпадения обычно являются поверхностными, основанными главным образом на сходстве объектов, которые играют роль в сравниваемых ситуациях. Но при дальнейшем сравнении проявляются сходства или различия, связанные с более абстрактными характеристиками объектов» [Gentner, Markman, 1997: 48]. Познавая материальный мир, люди выделяют различные объекты, их свойства, объединяя рассматриваемые сущности в естественные категории на основании анализа обработанной информации. Естественные категории, по Е.С. Кубряковой, объединяют такие единицы, признаки которых, повторяясь попарно, не повторяются по своему полному набору у каждого из их членов [Кубрякова, 2004: 10; цит. по: Емельянова, 2013: 134]. Процесс категоризации, таким образом, выступает «сегментацией и комбинацией» знаний, которыми обладает индивид [Gerschkoff-Stowe, Goldin-Meadow, 2002: 385]. На их основе происходит объединение ментальных репрезентаций как продуктов категоризации, которые стоят за познаваемыми сущностями, в категории, т.е. определенные рубрики опыта или знания [Кубрякова, 2004: 7]. Н.Н. Болдырев приводит следующее определение языковой категории:

«языковые категории представляют собой определённые концептуальные структуры, или формы осмысления мира в языке, т.е. форматы знания особого типа». За формат знания, в свою очередь, принимается определённая форма или способ представления знания на мыслительном или языковом уровнях [Болдырев, 2006: 5].

В своей статье «How words anchor categorization: Conceptual flexibility with labeled and unlabeled categories» Е. Colunga и J. Tolins пишут: «Появление способности символического представления изменило человеческое познание, позволяя существовать абстрактной мысли и делая возможной культурную передачу знаний. Для многих, рассматривающих язык как отдельный ментальный модуль, язык – это просто формальный носитель, который используется для описания умственных представлений, оставаясь независимым от понятий, которые он выражает. Недавняя работа по пониманию того, что происходит, когда категории усваиваются при помощи слов и когда отдельные объекты помечены (labeled), бросает вызов этому делению. Вместо этого взаимосвязь между процессами восприятия при категоризации и представлениями концептов оказывается взаимодополняющей и двунаправленной. Исследования в этой области продемонстрировали, что слова влияют на изучение и представление категорий, причем эти категории изучаются с помощью слов быстрее и надежнее» [Colunga, Tolins, 2015: 220].

Данное понимание языковой категории в рамках когнитивного подхода может быть применено к элементам лексической системы языка, а также к другим элементам различных уровней языковой системы – от фонемы до текстов и дискурсов. Результатом является возможность получать различные таксономии языковых единиц, соотносимых со структурами памяти, составляющими основу языковой способности человека. Тем не менее, понятие языковой категории значительно шире, чем представление о таксономии языковых единиц. Помимо грамматических категорий ученые выделяют целый ряд различных категорий, например, категории текста и др.

S. Pinker и A. Prince в своей работе «The Nature of Human Concepts: Evidence from an Unusual Source» отмечают, что существует несколько подходов к вопросу об организации категорий: например, на основе классического принципа и на основе принципа «семейного сходства». Авторы задаются вопросом, соответствуют ли человеческие концепты классическим категориям или категориям семейного сходства. Классические категории определяются формальными правилами и позволяют делать логические выводы в идеализированных системах, подчинённых определённым законам. Категории семейного сходства определяются наличием сходств между признаками объектов, входящих в набор тех, с которыми сталкивался человек. Классическая категория не является обобщением или обобщением набора объектов; действительно, она не зависит от свойств объектов, которые попадают в категорию. Классическая категория образуется на основе системы комбинаторных правил, которая позволяет людям передавать предложения (в том числе новые, необычные или абстрактные предложения) путем создания сложных слов, фраз и предложений, в которых значение целого может быть определено из значений частей и того, как они сочетаются. Напротив, категории семейного сходства представляют собой обобщение признаков и свойств объектов из предыдущего опыта человека [Pinker, Prince, 2002: 236].

Говоря, об уровнях категоризации, необходимо установить, что является исходным для выделения категории – речевые произведения или языковая система. То есть можно выделить системный и речевой уровни категоризации. Очевидна связь категориальной семантики с категориями мышления, поэтому первый из трех традиционных признаков определяется не как значение, а как понятийный признак [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990; цит. по: Емельянова, 2013: 134], лежащий в основе выделения категорий. Универсальные категории основаны на психофизиологическом способе восприятия мира, специфические – на

субъективированном процессе наложения концептуальных структур на воспринимаемые фрагменты мира.

Данные когнитивные процессы находят отражение в языковой форме, фиксирующей разную когнитивную категоризованность предметов и явлений или два типа знания: непосредственное (феноменологическое) и опосредованное (структурное). Основу первого типа знания составляют предметы, события, явления, идентифицированные в определенной системе пространственных и временных координат, на которые проецируются все возможные между фрагментами мира виды отношений; в языке такие отношения фиксируются в предикатах. Субъект восприятия выступает точкой отсчета, от которой выстраивается система пространственных отношений между воспринимаемыми фрагментами мира.

Ориентированность на субъект восприятия как на точку отсчета, которая составляет когнитивное содержание значения языковых единиц, свойственна таким грамматическим категориям, как лицо, вид и т.п. Структурное знание есть форма категоризации информации, полученная и обработанная как обобщающий итог опыта поколений, поэтому для носителя языка оно является знанием, зафиксированным в языке в виде понятийных категорий. Понятийную сетку может быть уподоблена некой карте, которая налагается на мир. При этом различают понятия – ячейки понятийной сетки – трех типов – родовые, видовые и конкретные. Родовые и видовые понятия соотносятся с тем, что И.И. Мещанинов [Мещанинов, 1945: 157] называл понятийными категориями в языке: «Понятийными категориями передаются в самом языке понятия, существующие в данной общественной среде. Такие понятия не описываются с помощью языка, а выявляются в нем самом, в его лексике и грамматическом строе. Те понятийные категории, которые получают в языке свою синтаксическую или морфологическую форму, становятся грамматическими категориями. Субъект и предикат (логический) будут понятийными категориями. Они же, являясь в синтаксическом строе предложения, становятся грамматическими понятиями подлежащего и

сказуемого» [Мещанинов, 1945; 1946; цит. по: Емельянова, 2013: 135]. И.И. Мещанинов также уточняет: «Всякое понятие, существующее в сознании человека, может быть передано средствами языка. Оно может быть выражено описательно, может быть передано семантикою отдельного слова, может в своей языковой передаче образовать в нем определенную систему. В последнем случае выступает понятийная категория. Она передается не через язык, а в самом языке, не только его средствами, но и в самой его материальной части» [Мещанинов, 1946; цит. по: Емельянова, 2013: 135].

К этому ряду можно добавить понятийные категории, получившие названия семантических ролей («глубинных падежей») Ч. Филлмора (агентатив, датив, инструменталис, локатив, объектив и т.д.) [Филлмор, 1999: 163]. Если мир носитель языка воспринимает в виде сетки, в которой каждая ячейка представляет собой родовое, видовое или конкретное понятие, то в этом случае на каждую ячейку при дальнейшем осознании и писании мира накладывается вся понятийная сетка, закрепленная за тем или иным языком. К данному фрагменту мира как бы «примеряются» все категории, которые существуют в данном языке. Любое слово и соответствующий концепт включается в несколько ячеек понятийной сетки, что обеспечивает его существование в виде множества ассоциативных связей. Основная роль концептов в мышлении – это категоризация, которая позволяет группировать объекты, имеющие сходства, в определенные классы.

Говоря о связанных с этим вопросом исследованиях, Е. Smith пишет: «Большая часть исследований, связанных с концептами, выраженными именами существительным, рассматривала две основные проблемы: определяет ли репрезентация концептов в памяти характер связи между концептами внутри категории или же представления являются такими, что эти отношения должны быть выведены или «вычислены» по мере необходимости [Smith, 1978: 24]. Возможно, лучшим примером первой модели представления является иерархическая модель сети, предложенная Коллинзом и Квиллианом» [Caramazza, McCloskey, 1980: 74]. Согласно этой

модели, существительные представлены узлами в сети памяти, а маркированные соединения между узлами определяют отношения между концептами внутри категории. Согласно этим моделям отношения между концептами внутри категории могут быть выведены посредством процесса сравнения признаков» [Collins, Quillian, 1969; 1970; 1972].

Изучая процессы познания через язык, лингвистика исследует такие процессы, как категоризация, концептуализация и классификация. Так или иначе, в основе этих движений языковой мысли лежит операция сравнения признаков и их обобщение. Мы полагаем, что эксперименты с группированием (классификацией) могут пролить свет на те принципы, по которым наше сознание в процессе познания «расщепляет» действительность, выделяя единицы знания – концепты, которые затем распределяются по категориям. Мы предполагаем, что, сталкиваясь с заданием, связанным с группированием объектов, информанты дают внешнее выражение, неосознанно демонстрируют те скрытые внутренние автоматические операции, с помощью которых в сознании осуществляются сравнение и, как следствие, обобщение признаков для закрепления знаний с помощью языка. Критерии, лежащие в основе группирований, и образуют стратегии. Под стратегией в общем смысле понимаются «закономерности в принятии решений в ходе познавательной деятельности человека» [Залевская, 1999: 319]. С другой стороны, Дж. Брунер уточняет: «Стратегия — это некоторый способ приобретения, сохранения и использования информации, служащий достижению определенных целей в том смысле, что он должен привести к определенным результатам» [Брунер, 1977: 136]. Мы немного дополним и уточним эти определения для нашего случая, поэтому под стратегиями группирования условимся понимать закономерности распределения, принципы действия, выбираемые индивидом и обуславливающие классификацию по таким критериям, которые индивид считает определяющими. Мы не преследуем цель проникнуть в сущность функционирования концептов или языковых категорий, но стремимся к тому,

чтобы понять обусловленные языком принципы формирования единиц знания на основе операции обобщения и проследить те критерии, на основе которых протекает процесс сравнения признаков при категоризации.

1.2. Психологический и лингвистический подход к категоризации

В качестве одной из своих наиболее отличительных характеристик, когнитивная лингвистика направлена на то, чтобы связать свои выводы с когнитивными структурами, которые находятся в «ведении» психологического подхода. Он, в свою очередь, направлен на то, чтобы помочь объяснить поведение концептуальных явлений в языке в терминах этих психологических структур и, в то же время, помочь в изучении некоторых свойств самих этих структур на основе детального понимания того, как устроен язык. Таким образом, когнитивная лингвистика традиционно работает над определением более общих когнитивных структур, относящихся к концептуальному содержанию, которое будет охватывать как когнитивные структуры, известные из психологии, так и известные из лингвистики [Talmy, 2000б: 12].

И в лингвистике, и в психологии известны два рода знания. Так, учёные-психологи выделяют первичные и вторичные образы сознания. Коротко говоря простым языком, эти образы соответствуют формированию образов сознания в ходе предметной (познавательной) деятельности – первичные – и формированию новых образов сознания – вторичные – в результате обработки и контаминации первичных образов [Леонтьев, 1977]. В психологии эти два процесса неразрывны, поэтому сознание рассматривается как феномен, состоящий из умственной и чувственной частей: предполагается, что чувственная часть образуется в предметной (познавательной) деятельности, а умственная в общении, при котором субъект сознания формирует новые знания в ходе речевого общения, при котором он воспринимает речевые сообщения и формирует новые знания как

содержание воспринятых сообщений. Данная традиция, различающая, два типа знания, восходит к теории Л.С. Выготского, показавшего наличие в сознании двух уровней – бытийного и рефлексивного. Таким образом, бытийный уровень содержит знания, сформированные при познании внешнего, предметного мира, в то время, как рефлексивный уровень включает знания, полученные при рефлексии над знаниями бытийного уровня. С точки зрения лингвистики, различаются знания, полученные в предметной (познавательной) деятельности, и знания, обретаемые в ходе общения. Для речевого общения необходима общность сознаний его участников, которая состоит из общности знаний о мире и формируется при привитии идентичной этнической культуры и при овладении одним и тем же национальным языком [Тарасов, 2004: 35].

В то же время, такая общность достигается в процессе приобретения социально-организованного опыта, результатом которого является так называемое общественное сознание и его продукты – язык и другие формы общественных отношений, выработанные в социуме в течение определенного периода. С одной стороны, значение слова – общественно значимая форма отражения денотата в знаке, т.к. слово является знаковой оболочкой для понятия, отражающего способ действия с предметом. С другой стороны, наличие общественного сознания, выражаемого в языке, подтверждается и общей для носителей языка языковой кодировкой концептов, и общей системой категорий. Идею общей языковой кодировки концептов мы находим у V. Gathercole, H. Stadthagen-Gonzalez, N. Vinas-Guasch в статье «Bilingualism and the semantic-conceptual interface: The influence of language on categorization»: «Язык обеспечивает большую часть нашего взаимодействия с более широким сообществом: семантика (значение слова) предоставляет человеку возможность кодировать концепты на символическом уровне и взаимодействовать с владеющим языком сообществом, и эта кодировка условно принята носителями языка» [Gathercole, Stadthagen-Gonzalez, Vinas-Guasch, 2017: 966]. В то же время, что

касается основных когнитивных систем, система языка и система культуры в процессе своего формирования позаимствовали механизмы когнитивных структур, уже существующие в других основных когнитивных системах, например, в визуальном восприятии и установлении причинно-следственной связи. Таким образом, в системе языка появились такие же механизмы структурирования вместе с операцией обобщения [Talmy, 2000a: 38].

С другой стороны, примером исторически сложившейся формы общественных отношений может выступать такой феномен, как стоимость [Маркс, 1867: 57]. В данном случае мы подразумеваем превращённую форму стоимости – универсальный эквивалент, сверхчувственное свойство продукта труда [Мамардашвили, 2011: 226].

М.К. Мамардашвили определяет превращённую форму как «продукт превращения внутренних отношений сложной системы, происходящего на определенном её уровне и скрывающего их фактический характер и прямую взаимосвязь косвенными выражениями» [Там же: 246]. Примером может служить то наблюдение, что люди, применяя те или иные лингвистические формы, не думают при этом об их строении и законах, а думают о высказываемом содержании. «Снятость» этих законов в сознании компенсируется отождествлением знака и предмета, позволяющим перевести целые слои языковой деятельности на уровень языкового автоматизма. Превращённый, восполненный облик отношений не только отделяется от того действительного явления, формой которого он является, но и оказывается его готовой исходной предпосылкой, независимым условием. Система, таким образом, может действовать уже без учёта или реального проявления всех её связей, суммарно, через своё замещение. Так, например, когда знаковая культурная система замещает определенные моменты содержательной работы сознания, она превращённо выступает как конечная причина всего движения сознания, лишь представляющая себя в нём. Это положение лежало в основе гипотезы лингвистической относительности Сепира – Уорфа, в рамках которой предполагалось, что направление, в

котором мышление интерпретирует действительность, определяется структурой того или иного языка [Там же: 257].

Материальным воплощением стоимости является монета. Между монетой и благами существует следующая связь: во-первых, на эту монету блага можно купить, а, во-вторых, монета есть всеобщий представитель этих самых благ, их эквивалент. Монета представляет не себя саму, а «другое» в том же отношении, которое существует между словом, словесным символом или знаком [Ильенков, 2009: 186]. В то время, как монета – материальна, стоимость – идеальна. Под «идеальным» здесь мы понимаем общезначимые для социума универсалии, зафиксированные в форме исторически сложившихся формах духовной культуры, которые каждый из представителей социума осваивает для существования в нём. Эти универсалии включают в том числе и грамматико-синтаксические нормы языка, на котором говорят представители социума, и нормы мышления о вещах окружающего мира [Там же: 160]. Стоимость идеальна потому, что является универсальной формой, безразличной к любому чувственно осязаемому материалу своего «воплощения» [Там же: 170].

Вернёмся к культурно-исторической психологии Л.С. Выготского. Слово есть знак. Этот знак может быть использован по-разному, его можно применять различным способом. Согласно теории Л.С. Выготского, оно может служить средством для различных интеллектуальных операций. Так, например, именно с помощью слова ребенок произвольно направляет свое внимание на одни признаки, с помощью слов он их синтезирует, с помощью слова он символизирует абстрактное понятие и оперирует им как высшим знаком из всех, которые создало человеческое мышление [Выготский, 2008: 256].

Идею о языковой структуре сознания в широком смысле мы находим в работе Бенджамина Уорфа: «Мы анализируем природу по путям, проложенным нашим родным языком. Категории и типы, которые мы выделяем в мире явлений, не предстают перед наблюдателем в готовом виде;

напротив, мир представлен в калейдоскопическом потоке впечатлений, который должен быть организован нашими умами, а это значит, в значительной степени лингвистическими системами нашего сознания. Язык — это не просто устройство отчетности для опыта, а определяющая его структура» [Whorf, 1956: 213]. Перефразируя и развивая идеи Б. Уорфа, S. Goldin-Meadow заявляет: «Языки во всем мире классифицируют опыт по-разному. Бенджамин Уорф [Whorf, 1956; цит. по: Goldin-Meadow, 2003: 493] впервые популяризировал представление о том, что лингвистические классификации могут влиять не только на то, как люди говорят, но и как они думают. Говоря более детально, Уорф предположил, что неустанное использование определенной лингвистической категоризации может в какой-то момент также повлиять на то, как говорящие классифицируют мир, даже когда они не говорят» [Goldin-Meadow, 2003: 493].

Мы рассматриваем не просто «референтное» или «денотативное» значение слова. Под значением слова, которое выходит за пределы предметной отнесенности, мы понимаем способность слова не только замещать или представлять предметы, не только возбуждать близкие ассоциации, но и анализировать предметы, абстрагировать и обобщать их признаки. Слово не только замещает вещь, но и вводит эту вещь в систему сложных связей и отношений. Отвлекающую или абстрагирующую, обобщающую и анализирующую функцию слова Л.С. Выготский назвал собственно значением [Выготский, 2008: 250], а А.Р. Лурия предложил ее обозначить термином «категориальное» или «понятийное» значение. Обобщая предметы, слово является орудием абстракции, а обобщение есть важнейшая операция сознания. Таким образом, слово является не только средством замещения вещи, представления; оно является и «клеточкой» мышления, потому что важнейшими функциями мышления являются обобщение и абстракция [Лурия, 1979: 43].

Без слов невозможно понятие, мышление в понятиях невозможно без речевого мышления; значимым этапом этого процесса является

функциональное применение знака в качестве средства образования понятий. Таким образом, т.к. слово выступает инструментом образования понятия, мышление носит вербальный характер [Выготский, 2008: 255].

Итак, слову принадлежит решающая роль в деле образования понятия. Понятие в свою очередь на любой ступени своего развития представляет собой с психологической стороны акт обобщения.

Для того, чтобы осознать сходство, например, требуется образование первичного обобщения или понятия, охватывающего предметы, между которыми существует это отношение. Напротив, осознание различия не требует от мысли непременно образования понятия и может возникнуть совершенно другим путем [Выготский, 2008: 300].

Функциональное употребление слова или другого знака в качестве средства активного направления внимания, расчленения и выделения признаков, их абстрагирования и синтеза – является основной и необходимой частью всего процесса в целом. Образование понятия или приобретение словом значения является результатом сложной активной деятельности (оперирование словом или знаком). Образование понятий, таким образом, само и является способом мышления [Выготский, 2008: 199].

Именно это положение теории Выготского стало для нас отправной точкой при переходе к непосредственно эксперименту.

Слово редко имеет лишь одну, твердую и однозначную предметную отнесенность: слово всегда многозначно и полисемично. По мнению ряда авторов, для уточнения понимания конкретной «предметной отнесенности» (или «ближайшего значения») слова одной лингвистики (или ее раздела – лексики) недостаточно, и выбор «ближайшего значения» слова определяется многими факторами, среди которых есть как лингвистические, так и психологические – конкретный контекст слова, включение его в конкретную действенную ситуацию и т.д. [Лурия, 1979: 40].

Наряду с прямым «референтным» или «денотативным» значением слова существует еще и обширная сфера того, что принято называть «ассоциативным» значением.

Как отмечал ряд авторов [Deese, 1962; Noble, 1952], слово рождает не только указание на определенный предмет, неизбежно приводит к всплыванию ряда дополнительных связей, включающих в свой состав элементы близких с ним слов по наглядной ситуации, по прежнему опыту и т.д. Эти комплексы ассоциативных значений, непроизвольно всплывающих при восприятии данного слова, были детально изучены; таким образом, в науку было введено новое понятие «семантическое поле», стоящее за каждым словом [Лурия, 1979: 52]. В то же время, опыты Аха показали, что понятие возникает не ассоциативно, а процесс образования понятий носит всегда продуктивный, а не репродуктивный характер, что понятие возникает и образуется в процессе сложной операции, направленной на решение какой-либо задачи, и что одного наличия внешних условий и механического установления связи между словом и предметами недостаточно для его возникновения [Выготский, 2008: 108].

Наряду с установлением этого неассоциативного и продуктивного характера процесса образования понятий, Ах пришел к выводу, что данный процесс в целом определяется так называемой детерминирующей тенденцией. Так Ах называет ту тенденцию, которая регулирует течение наших представлений и действий и которая исходит из представлений о цели, к достижению которой направлено все это течение, из задачи, на разрешение которой направлена вся эта деятельность [Выготский, 2008: 187].

Метод, предлагаемый В.С. Выготским и почерпнутый им у Аха, позволяет изучать не готовые понятия, а самый процесс их образования. Метод в том виде, в котором его использовал Ах, с полной справедливостью называется синтетически-генетическим методом, т.к. он изучает процесс построения понятий, синтезирования ряда признаков, образующих понятие, процесс развития понятия. Основным принципом этого метода является

введение в эксперимент искусственных, вначале бессмысленных для испытуемого слов, которые не связаны с его прежним опытом, ассоциациями и искусственных понятий, которые составлены специально в экспериментальных целях путем соединения ряда признаков, которые в таком сочетании не встречаются в мире наших обычных понятий, обозначаемых с помощью речи [Выготский, 2008: 187].

В процессе опыта перед исследователем разворачивается весь процесс осмысливания бессмысленного слова, приобретения словом значения и выработки понятия. Благодаря такому введению искусственных слов и искусственных понятий этот метод освобождается от одного наиболее существенного недостатка ряда методов: для решения задачи, стоящей перед испытуемым в эксперименте, он не предполагает никакого прежнего опыта, никаких прежних знаний, уравнивает в этом отношении ребенка раннего возраста и взрослого. Таким образом, метод потенцирован в возрастном отношении, он допускает исследование процесса образования понятий в его чистом виде [Выготский, 2008: 187].

Для более объективного установления того, какая система связей реально стоит за словом у каждого человека, одним из самых продуктивных методов проникнуть во внутреннее строение значения слова является метод классификации [Лурия, 1979: 77].

1.3. Методы изучения категоризации

1.3.1. Исследование категоризации методом свободной классификации

Один из вариантов метода осуществляется опытом со свободной классификацией. Опыт заключается в следующем: испытуемому дается большой ряд реальных предметов или карточек и предлагается сгруппировать эти объекты в определенные группы так, чтобы каждую группу можно было назвать одним словом, обозначить одним понятием.

После того, как испытуемый выполнит задачу, ему предлагается обозначить каждую группу и объяснить, почему он разложил карточки именно таким образом. Затем испытуемому дается третье задание и предлагается укрупнить группы. Снова анализируется, как он это делает, и вновь предлагается назвать новые группы определенными словами и снова объяснить, на каком основании он произвел эту группировку.

О возможности исследования с помощью метода классификации широкого спектра аспектов пишет в своей статье «Auditory free classification: methods and analysis» С. Clopper: «В аудиторном исследовании метод свободной классификации может быть использован для изучения перцептуального сходства ряда речевых и неречевых стимулов, включая языковые структуры, такие как сегменты, тоны или интонации контуров, и определяющих свойств, таких как голоса, манер речи, эмоций, диалектов, иностранных акцентов или языков. Отличительная черта метода свободной классификации, которая отличает его от других экспериментальных методов, – это то, что экспериментатору не нужно указывать названия и размеры категорий (групп) заранее» [Clopper, 2008: 575].

Этот опыт дает исследователю важную информацию. Испытуемый может разложить данные ему предметы по разным основаниям. Он может разложить их по собственно внешним, наглядным признакам (например, в одну группу отнести все красные объекты, в другую – все синие; в одну группу – все круглые, в другую – все угловатые и т.д.), и это будет наиболее элементарный тип классификации.

Он может положить в основу классификации другой принцип и отнести в одну группу предметы, которые входят в общую конкретную ситуацию (например, поместить в одну группу хлеб, тарелку, вилку, нож, стул, стол и назвать все это «обедом»; или в одну группу – кошку, молоко, мышеловку, потому что кошка пьёт молоко и ловит мышей; или ест мясо). В этом случае основанием для классификации будет являться не наглядно-действенный признак, а наглядно-действенная ситуация.

Третий возможный путь подразумевает выделение действительно существенных признаков, согласно которым можно включить разные предметы в одну категорию независимо от того, возможно ли их объединение в одной конкретной ситуации или нет. В этом случае хлеб, мясо, тарелка и стол никогда не войдут в одну группу потому, что они составляют группу «продукты питания», а тарелка, вилка и нож войдут в группу «посуда», и т.д.

Такая классификация опирается не на выделение наглядных признаков и не на оживление какой-либо определенной наглядной ситуации, а на операцию абстрагирования признака и введения предметов в одну определенную общую категорию, таким образом, на операцию, которая носит вербально-логический характер.

Перечисленные возможные пути классификации отличаются не только смысловым объединением предметов, но и структурой психологических процессов, лежащих в основе этих операций.

В случае категориальной классификации у испытуемых возникает иерархия понятий, которые по выражению Л.С. Выготского, имеют так называемые «долготу» (от элементарных к более сложным) и «широту» (потому что в систему понятий могут войти не только те объекты, которые наглядно взаимодействуют, но и те, которые никогда не встречались в опыте) [Лурия, 1979: 80].

Схема эксперимента, предполагаемая ситуацией свободной классификации, почерпнута нами у Р.М. Фрумкиной: «Испытуемому предъявляется набор объектов с предложением расклассифицировать их, разбив набор на некоторое количество непересекающихся классов. В инструкции указывается, что «похожие» объекты должны оказаться в одном классе, а «непохожие» – в разных. Выбор основания классификации предоставляется испытуемому. На количество и на объем классов не накладывается никаких ограничений» [Фрумкина, 1984: 147]. При этом возможно выделить два типа эксперимента: логическую и перцептивную

классификацию. В случае с логической классификацией набор признаков, присущих предметам, «прост, ограничен, объективен и однозначен». Что же касается перцептивной классификации, т.к. признаков слишком много и они разнородны по характеру, выделение однозначного набора признаков, характеризующих объекты, невозможно. Слова естественного языка допускают выделение в них многочисленных и разнообразных признаков [Там же: 148].

1.3.2. Метод формирования искусственных понятий

Вернемся к положению о том, что нужно максимально сократить влияние личного опыта на процесс классификации и поставить испытуемого в такие условия, при которых ему приходилось бы наиболее самостоятельно применять доступные ему формы классификации. Для этой цели служит метод формирования искусственных понятий. Кроме того, этот метод будет так же направлен на изучение динамики последовательного формирования понятия через анализ тех приемов, которые применяются испытуемыми для решения предложенных им задач [Лурия, 1979: 83]. Данный метод для других целей был предложен Н. Ахом, а затем был переработан и по-новому применен Л.С. Выготским и его учеником Л.С. Сахаровым [Сахаров, 1930: 12].

А.Р. Лурия так описывает метод: «Перед испытуемым раскладывается ряд геометрических фигур, которые имели разную форму, цвет и размер. В число этих фигур входили, например, красный маленький и плоский треугольник, зеленый маленький и плоский треугольник, красный маленький и плоский квадрат, желтый маленький куб и маленький цилиндр, большой красный треугольник, большой зеленый треугольник, а также и такие объемные фигуры, как пирамида красного или зеленого цвета, куб красного зеленого ли синего цвета и т.п. Таким образом, предлагаемые для

классификации геометрические фигуры были разными по форме, цвету, величине и объему. Все эти фигуры обозначаются определенными искусственными словами, и испытуемый, который брал одну из фигур, мог увидеть на его (ранее скрытой) внутренней стороне написанное там искусственное слово, например, «рас» или «мор», «пак» и т.д.

Центральным для этого метода был тот факт, что данное искусственное слово обозначало новое, ранее не существовавшее в опыте понятие, включавшее комбинацию из нескольких признаков (например, маленький и плоский, маленький и высокий, большой и плоский, большой и высокий и т.д.). Легко видеть, что в этих условиях испытуемый не мог воспользоваться готовым понятием, но должен был сформировать новое понятие.

В начале этого опыта испытуемым сообщали, что каждое слово имеет какое-то значение, и они должны определить, что именно означает каждое слово, подобрав несколько предметов. Поэтому испытуемому, который взял фигуру с названием «рас», но еще не мог определить его значение, предлагалось взять другую, затем следующую фигурку, каждая из которых была обозначена новым искусственным словом. Естественно, что на последовательных этапах опыта испытуемому встречались как различные, так и идентичные искусственные слова, и по мере подбора соответствующих фигур у него неизбежно начинали возникать гипотезы о значении искусственных слов. Например, могла возникнуть гипотеза, что все цилиндры называются словом «рас». Следуя этой гипотезе, испытуемый открывал цилиндр другого размера, но оказывалось, что он был обозначен другим словом, например, не «рас», а «кун». Тогда его гипотеза терпела крах. После этого ему предлагалось снова высказать какое-нибудь предположение, и он приходил к другой гипотезе, предполагая, что, наверное, «рас» означает или все красные предметы (цвет) или все треугольники (форма). Он открывал далее еще один предмет, подбирая его согласно своей гипотезе, но оказывалось, что и в данном случае его гипотеза не оправдывалась. Тогда он выдвигал третью гипотезу, например, высказывал предположение, что

данное искусственное слово обозначает признак величины, и проверял, соответствует ли эта гипотеза действительности. Трудность этого опыта заключается в том, что искусственными словами обозначаются не простые, а комплексные признаки, например, как уже было сказано, словом «пак» обозначались все маленькие и плоские фигуры, словом «бик» – большие и плоские фигуры, а словом «рас» – все большие и высокие фигуры независимо от цвета и формы.

Таким образом, каждое из тех искусственных слов, которые применялись Л.С. Выготским, сочетало в себе множество признаков, другими словами, имело комплексное значение, и в опыт вводились несуществующие в практике понятия, что уравнивало условия для всех испытуемых.

Внимательное проведение этого опыта позволяло провести анализ того, как испытуемый постепенно, учитывая получаемую им новую информацию, вырабатывает искусственное понятие, какие шаги он делает, какую стратегию применяет и т.д. В этом отношении этот очень трудоемкий и продолжающийся длительное время опыт давал очень богатую психологическую информацию.

На следующей фазе можно было наблюдать иную картину: испытуемые включали фигуры в данную категорию по определенному признаку, но этот признак не имел постоянства, и испытуемый относил, например, к маленькому красному треугольнику, обозначенному искусственным словом «рас», и маленький зеленый круг (по признаку размера), и высокую красную пирамиду (по признаку формы). В результате создавалась группа, которая была построена не по типу устойчивого обобщенного понятия, а по принципу «комплекса», в который каждая из отобранных фигур входила по своему основанию. Обозначив этот принцип группировки терминов «ситуация» или «комплекс», Л.С. Выготский иногда употреблял для обозначения этой стадии фигуральное слово «семья», исходя из того, что члены, входящие в такую семью, включаются в нее по разным

основаниям: некто, его отец, его мать, его брат, его сестра, его сын, его внук и т.д. Таким образом, эта стадия психологически характеризовалась тем, что испытуемые, которые пытались найти, что именно обозначает данное им искусственное слово, объединяли предметы не по одному устойчивому признаку, а по разным меняющимся признакам. Иногда решение этой задачи принимало форму того, что Л.С. Выготский обозначил термином «цепной комплекс». Например, когда испытуемым давался зеленый треугольник, обозначенный этим искусственным словом, они сначала брали зеленый круг, потому что он тоже зеленый, затем красный маленький треугольник потому, что предшествующая фигура была треугольником (по принципу формы), затем маленький квадратик (по принципу величины) и т.д. Каждый объект входил в группу на своих собственных основаниях, и устойчивое отвлеченное понятие не формировалось. Таким образом, создавалась не логическая категория, а цепь последовательно упорядоченных элементов, каждый из которых входил в эту цепь на своем собственном основании.

От этого принципа отличался другой, более высокий логический принцип – подлинная классификация предметов, которую можно обозначить как процесс категориальной классификации или процесс формирования нового понятия в подлинном смысле этого слова. В этом случае стратегия поисков психологически была совершенно иной: испытуемый пытался найти понятия, гипотетически обозначал словом некоторую комбинацию признаков, вырабатывая таким образом новую абстрактную категорию, обозначенную данным искусственным словом. Естественно, что наблюдаемые при проведении этого опыта процессы носили совсем иной характер: применяемая испытуемым «стратегия» указывала на то, что его операции полностью совершались в вербально-логическом плане и слово получало новое, устойчивое отвлеченное значение» [Лурия, 1979: 87].

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1

Сравнение признаков и сопутствующее ему обобщение являются основными ментальными операциями, лежащими в основе процессов познания (концептуализации и категоризации). Результаты этих процессов часто оказываются вербализованы, поэтому именно через слово мы можем проникнуть в их сущность и в те, закономерности, которым эти процессы подчиняются. В то же время, т.к. язык является исторически выработанным продуктом общественного сознания, предполагается, что эти закономерности будут общими для носителей одного языка.

Данное исследование опирается на понятие категоризации, под которым понимается «процесс образования и выделения категорий, членения внешнего и внутреннего мира человека сообразно сущностным характеристикам его функционирования и бытия, упорядоченное представление разнообразных явлений через сведение их к меньшему числу разрядов или объединений». Другими словами, концепты, образовавшиеся в результате «расщепления» информации на оперативные содержательные единицы мышления, т.е. в процессе концептуализации, сравниваются в ходе категоризации с уже имеющимися готовыми концептами, принадлежащими к категориям, и «присоединяются» к тем категориям, с объектами которых у них больше сходств. Другими словами, в основе категории лежит концепт. Мы полагаем, что в основе классификации лежат и в процессе неё проявляются те же самые механизмы поиска сходств и различий между объектами, какие определяют поиск сходств и различий между концептами в процессе категоризации. Мы ни в коем случае не отождествляем классификацию и категоризацию, т.к. по своей природе категоризация – это когнитивный процесс, а классификация – внешнее его выражение в определенных условиях.

В процессе группирования объектов информанты непреднамеренно демонстрируют те внутренние закономерности сознания, те принципы

сравнения, согласно которым происходит поиск сходств и различий между выделенными при познании концептами и уже имеющимися категориями. Метод свободной классификации выбран потому, что при группировании объектов (или их классификации – одного из процессов когниции) «обнажается» существующая в общественном сознании система связей.

С другой стороны, помимо языка, другой формой общественного сознания является стоимость. Кроме того, их природа схожа: как за знаковой оболочкой слова стоит приобретенное им в общественном сознании понятие и отношение к референту, так и номинал монеты есть общественно значимая форма стоимости, универсальный эквивалент ценности. Поэтому помимо языкового материала (слов и квазислов), в отдельный эксперимент в качестве неязыковых объектов вводятся монеты.

Критерии распределения объектов, которыми руководствуются информанты, мы относим к разным стратегиям. Стратегия группирования – это совокупность закономерностей распределения, принципов действия, выбираемых индивидом для достижения поставленной цели и обуславливающих классификацию по таким критериям, которые индивид считает определяющими. Иначе говоря, стратегии группирования – это закономерности распределения, принципы действия, выбираемые индивидом и обуславливающие классификацию по критериям, выступающим, по мнению опрошиваемого, определяющими. Предполагается, что по таким же закономерностям происходит обусловленное языком формирование единиц знания – концептов – и обобщение их с категориями.

ГЛАВА 2. ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ СТРАТЕГИЙ ГРУППИРОВАНИЯ ЯЗЫКОВЫХ И НЕЯЗЫКОВЫХ ОБЪЕКТОВ

В данной главе будет описан анализ проведенного эксперимента, включавшего в себя две части, посвященные соответственно языковым и неязыковым объектам. Гипотеза эксперимента состояла в следующем: языковые и неязыковые объекты группируются по разным факторам, отражающим их разные свойства, и эти факторы являются одновременно объективными и субъективными.

В эксперименте принял участие 101 испытуемый: 46 мужчин и 55 женщин старше 18 лет с разным уровнем владения иностранным языком и родным языком русским.

2.1. Анализ результатов эксперимента с группированием неязыковых объектов (монет)

В эксперименте с монетами (Эксперимент 1) выделялось два задания, первое из которых (обозначим его «Задание 1») звучало следующим образом: «Вам будут предложены монеты. Ваша задача – распределить монеты по группам; критерии распределения могут быть любыми, какие Вы считаете нужными. В одной группе может быть любое количество монет, групп также может быть любое количество». Вторая часть задания (обозначим его «Задание 2») даётся сразу же, как только данные первого записаны. Монеты вновь смешиваются и информанту проговаривается задание: «Теперь Вам нужно распределить все монеты только на две группы по какому-то одному критерию. Если Вы не удовлетворены тем, как Вы разложили монеты на группы, Вы можете изменить Вашу классификацию. Помните, что в этом эксперименте нет правильных или неправильных решений. Все ли Вам ясно?» Кроме того, важно заметить испытуемому, что в эксперименте нет «худших» и «лучших» ответов: опыт не является психологическим тестом,

он не направлен на выявление особенностей личности или интеллекта, – и что любая предложенная классификация для экспериментатора в равной мере интересна. Время работы испытуемого с объектами не ограничивается. На любые вопросы типа: «Что это за язык?», «Существует ли такое слово?», – экспериментатор отвечает: «Я не знаю».

Для проведения эксперимента с неязыковыми объектами использовались монеты, отличные по ряду признаков: год, валюта, номинал, размер, металл, блеск и пр. Список монет (всего 25 штук) представлен в Таблице 1.

Таблица 1. Монеты, использованные для проведения Эксперимента 1

Номинал, название валюты	Год	Номинал, название валюты	Год
1 российский рубль	1998	1 евро	2002
1 российский рубль	2005	2 евро	2004
1 российский рубль	2011	1 фунт стерлингов	2006
1 российский рубль	2012	2 фунт стерлингов	2001
1 российский рубль	2013	1 доллар США	2008
1 российский рубль	2014	1 доллар США	2011
2 российских рубля	2008	1 китайский юань	1992
5 российских рублей	1997	1 китайский юань	1999
5 российских рублей	2011	1 китайский юань	2004
10 российских рублей	2010	1 японская иена	Без указания
10 российских рублей	2013	1 индийская рупия	2012
10 российских рублей	2005	1 чешская крона	2006
		1 датская крона	2007

Часть испытуемых разделила монеты, опираясь только на один критерий, другие же взяли за основу комбинацию критериев.

Проанализировав результаты Эксперимента 1, мы выделили 3 стратегии, которые можно обозначить как: идеалистическую, материалистическую и смешанную.

К идеалистической стратегии мы относим распределение монет с использованием критериев «Номинал», «Валюта», «Страна использования монеты», «Часть света», «Год выпуска», а также при комбинации этих критериев.

К материалистической стратегии мы относим распределение монет с использованием критериев «Металл», «Цвет», «Размер», «Толщина», «Изображение на реверсе», «Наличие дубликата в наборе», а также при комбинации этих критериев, т.к. в данном случае испытуемые считали определяющими материальные параметры объекта.

К смешанной стратегии мы отнесли классификации на основе сочетания критериев, относимых к идеалистической и материалистической стратегии.

В рамках каждой стратегии есть оригинальные классификации на основе критериев, которые представлены только в одном экземпляре.

Прежде всего, опишем те классификации, где был использован только один критерий распределения. Назовём такое распределение однопараметровым. 44 человек расклассифицировали монеты с использованием только одного критерия. 11 из них выбрали в качестве определяющего критерия своей классификации «Номинал». Таким образом, в результате их распределения у 10 испытуемых получилось группы по номиналу 1, 2, 5 и 10, соответственно. У одного же испытуемого получилось 5 групп: 4 группы по номиналу 1, 2, 5 и 10 и ещё одна 1 группа, которую образовали 1 японская иена и 1 индийская рупия. В данном случае опрошенный руководствовался предположением, что 1 японская иена и 1 индийская рупия являются аналогом российской копейки, поэтому не могут быть помещены в одну группу вместе с остальными монетами номиналом 1.

16 человек с однопараметровым распределением разделили монеты на группы в зависимости от «Страны использования монеты» / «Части света», т.е. по географическому признаку.

2 человека распределили монеты на основе критерия «Валюта», образовав соответственно группы: «российский рубль», «доллар США», «фунт стерлингов», «евро», «юань», «иена», «индийская рупия», «чешская крона», «датская крона».

Отдельно отметим классификацию 1 испытуемого, руководствовавшегося критерием «Год выпуска», в классификации которого получилось 3 группы: «до 2000 г.», «после 2000 г.», «без указания года».

Кроме того, интерес представляет критерий «Наличие дубликата в наборе», представленный только у 1 испытуемого. В отдельной группе у него оказались монеты-представители валюты в одном экземпляре: 1 индийская рупия, 1 японская иена, 1 чешская крона, 1 датская крона и 1 юань (1992 г.). По замечанию испытуемого, хотя во всём наборе имеется 3 монеты номиналом 1 юань каждая, 1 юань (1992 г.) оказался в первой группе, т.к. отличается внешне от остальных двух. Во второй группе, по задумке испытуемого, должно быть по одной монете от представленных в наборе валют: одна из монет евро, одна из монет фунтов стерлингов, одна из 10-рублёвых монет, 1 из монет долларов США, одна монета из оставшихся похожих внешне юаней, одна из 1-рублёвых монет. Однако в третьей группе оказались обе монеты по 5 рублей и монета в 2 рубля вместе с оставшимися 1 юанем, 1 долларом, второй из монет евро, двумя 10-рублёвыми монетами, пятью 1-рублёвыми монетами. По словам испытуемого, любая из монет второй группы может быть заменена монетой той же валюты из третьей группы.

6 опрошенных классифицировали монеты исходя из критерия «Изображение на реверсе». Таким образом, группы были образованы на основе того, что изображено на обратной стороне монеты: люди, животные, растения или орнаменты (3 испытуемых). Другое распределение по группам

в рамках того же критерия основывалось на разграничении реверса с изображением людей, двуглавых орлов, других животных, памятников и растений (2 испытуемых). 1 испытуемый отделил реверсы с растительностью и орнаментами от реверсов с животными, а также образовал отдельную группу с реверсами, изображающими нечто значимое для народа страны, как например «Статуя Свободы» на долларах США или королева Елизавета II на фунтах стерлингов.

Критерий «Металл» представлен у 3 опрошенных. 1 из них распределил монеты на «серебряные», «золотые» и состоящие из двух металлов. Другой в дополнение таких же трёх групп выделил японскую иену в отдельную группы, объясняя это тем, что металл, из которого она изготовлена, более лёгок. Третий испытуемый образовал 5 групп, выделив «золотые» и состоящие из двух металлов монеты и разделив «серебряные» на три группы: «серебряные без блеска», «серебряные с блеском новизны» и «потёртые серебряные с блеском».

Критерий «Размер» представлен у 2 испытуемых. Оба разделили монеты на 6 групп по сходному размеру (диаметру).

Критерий «Цвет» представлен у 2 испытуемых, который разделил монеты по сходным цветам: «золотистые», «двухцветные» и 3 группы среди «серебристых» монет, образованные по схожести цвета.

Отметим, что среди 38 однопараметровых распределений, 30 относятся к идеалистической стратегии и 14 («Металл», «Изображение на реверсе», «Цвет» и «Наличие дубликата в наборе», «Размер») к материалистической.

Перейдём к многопараметровому распределению (49 опрошенных) и начнём с описания идеалистической стратегии.

В рамках идеалистической стратегии (18 опрошенных) выделяются 3 критерия: «Страна / Часть света – Номинал», «Валюта – Номинал», «Страна / Часть света – Номинал (стоимость относительно рубля)».

Самым многочисленным из перечисленных критериев стал «Страна / Часть света – Номинал». Он представлен у 14 опрошенных. Опрошенные,

применившие этот критерий, распределили монеты по принадлежности к стране или части света (Европа, Азия, Америка), разделив на отдельные группы по номиналу российские рубли (4 испытуемых). Кроме того, возможны такие вариации, как разделение монет по номиналу (1, 2, 5 и 10) с последующим разделением монет с номиналом 1 на группы по странам или частям света (3 испытуемых), или разделением на российские рубли и «остальные единички» (3 испытуемых). Добавим, что также есть распределения, в которых в одну группу попадают только монеты одного номинала одной страны, например, в первой группе только фунт стерлингов номиналом 1, во второй группе фунт стерлингов номиналом 2 и т.п. (3 испытуемых). В одном из распределений монеты классифицированы по странам, а российские рубли разделены на еще две группы по номиналу «До 5» и «Больше 5» (1 испытуемый).

Критерий «Валюта – Номинал» представлен у 3 опрошенных. Результаты распределения частично сходны с результатами распределения в рамках критерия «Страна / Часть света – Номинал», т.к. валюта соответствует стране, однако, коль скоро сами испытуемые обозначили свой выбор, применив именно слово «валюта», мы не стали объединять эти два критерия.

Критерий «Страна / Часть света – Номинал (стоимость относительно рубля)» представлен у 1 опрошенного, который на основе своего предположения о соотношении рубля и другой валюты, представленной в наборе, разделил монеты по странам и номиналу. При этом он обратил внимание, что в его классификации монеты должны идти от большей по стоимости относительно рубля (2 евро, по его предположению) к меньшей (все монеты номиналом 1 рубль).

В рамках материалистической стратегии (13 опрошенных) выделяются следующие сочетания критериев: «Размер – Цвет», «Размер – Толщина», «Металл – Размер», «Цвет – Необычность», «Металл – Необычность».

Критерий «Размер – Цвет» представлен у 7 опрошенных. У всех из них монеты делятся по цвету – «серебристые», «золотистые» и «двухцветные» – и группа «серебристых», являющаяся наиболее многочисленной делится в свою очередь на монеты по размеру. Таким образом, выделяются 5 групп. Однако у одного из этих испытуемых появляется 6-я группа путём выделения в неё датской кроны номиналом 1. Кроме того, один из испытуемых выделяет в отдельную группу 2 евро, т.к. у этой монеты, единственной из двухцветных, внешний ободок серебристый.

3 опрошенных распределили монеты, основываясь на сочетании критериев «Металл – Размер», помещая в одну группу монеты, сходные, на их взгляд, по размеру и по цвету металла.

1 испытуемый при распределении монет применил критерий «Размер – Толщина», разделив монеты на три группы на «маленькие тонкие», «крупные тонкие» и «крупные и толстые».

1 испытуемый при распределении монет применил критерий «Цвет – Необычность», разделив монеты на 4 группы: «серебристые», «золотистые», «двухцветные» и «необычные», в последнюю из которых вошли 1 датская крона (с дыркой), 10 р (2010 г.) и 10 р (2013 г.) (обе «золотистые»).

1 испытуемый, придерживаясь критерия «Металл – Необычность», разделил монеты на 4 группы: «золотые», «серебряные», «двухцветные», а четвёртая группа оказалась образована только одной монетой – 1 датской кроной (с дыркой), т.к. испытуемому она показалась необычной, и он решил не помещать её в группу «серебряных».

Перейдём к описанию тех многопараметровых распределений, которые носят характер смешанной стратегии (18 испытуемых), отличающейся комбинацией применяемых идеалистических и материалистических критериев: «Страна – Размер», «Страна / Часть света – Необычность», «Номинал – Его знаковое обозначение», «Размер – Валюта – Цвет», «Страна – Металл», «Номинал – Размер», «Номинал – Размер – Цвет», «Номинал – Размер – Металл», «Реверс – Номинал – Страна», «Номинал – Цвет –

Валюта– Реверс», «Цвет – Страна – Необычность», «Страна – Необычность», «Валюта – Номинал – Цвет».

У 4 опрошенных представлен критерий «Номинал – Его знаковое обозначение», в рамках которой испытуемые выделили 4 группы по номиналу 1, 2, 5, 10 и ещё одну группу, куда вошли монеты, номинал которых выражен либо не цифрой, а словом (например, «one pound» на монете 1 фунт стерлингов) или символом («₽» вместо «1» на монете 1 рубль (2014 г.)).

Мы наблюдаем критерий «Страна / Часть света – Необычность» представленным у 3 человек. У 2 из них монеты распределены в зависимости от страны использования / части света и отдельно выделяется группа, образованная 10 российскими рублями (2005 г.) и 10 российскими рублями (2013 г.), т.к., по мнению испытуемых, обе эти монеты выпускались лимитированной (юбилейной) серией. У одного испытуемого, придерживающегося данного критерия распределения, монеты разделены на «российские рубли», «не рубли» и «необычные монеты», из которых в последнюю группу вошли 10 рублей (2005 г.), 10 рублей (2013 г.) и 1 датская крона (т.к. она с дыркой, по замечанию опрошенного).

У 1 испытуемого мы наблюдаем комбинацию критериев «Страна – Размер», который, первоначально разделив монеты по частям света или странам, далее из них образует меньшие группы, опираясь на схожесть монет по размеру.

У 1 опрошенного представлен критерий «Размер – Валюта – Цвет». Испытуемый первоначально разделил монеты в зависимости от валюты, а затем на более мелкие группы, объединяя сходные по цвету и размеру монеты одной валюты.

1 опрошенный образовал группы, руководствуясь критерием «Страна – Металл», разделив первоначально монеты в зависимости от металла – составные из двух металлов, «золотые», «серебряные», – а затем, разделив «серебряные» ещё на две группы: российские и нероссийские.

У 1 опрошенного представлен критерий «Номинал – Размер». Таким образом, образовалось 5 групп: «единички маленькие», «единички большие», «двойки», «пятаки» и «десятки».

У 1 опрошенного представлен критерий «Номинал – Размер – Цвет». В данном случае монеты первоначально были распределены по номиналу, а затем, в свою очередь, каждая из образованных групп была разделена в зависимости от цвета и размера объектов. Так, например, русские рубли номиналом 10 образовали две группы: 10 р (2010 г.), 10 р (2013 г.), т.к. они имеют одинаковый цвет и размер, и отдельно 10 р (2005 г.), т.к. она двухцветная и больше двух других по размеру.

Отдельно мы опишем «оригинальные» распределения монет.

1 опрошенный образовал группы, руководствуясь критерием «Номинал – Размер – Металл». 1 опрошенный образовал группы, руководствуясь критерием «Реверс – Номинал – Страна». У 1 опрошенного представлен критерий «Номинал – Цвет – Валюта – Реверс». У 1 испытуемого мы наблюдаем комбинацию критериев «Цвет – Страна – Необычность». 1 опрошенный образовал группы, руководствуясь критерием «Страна – Необычность». У 1 испытуемого мы наблюдаем комбинацию критериев «Валюта – Номинал – Цвет».

Особо отметим 8 испытуемых, которые в Эксперименте 1 разделили монеты сразу на две группы. 4 из них распределили монеты, руководствуясь критерием «Российские / нероссийские монеты». 1 информант разделил монеты по номиналу на «чётные» и «нечётные». 1 опрашиваемый решил разделить монеты по принципу, на какую сторону она упадёт при подкидывании. Таким образом, у него получилось две группы «орёл» и «решка». 1 испытуемый разделил монеты по принципу наличия в составе металла монеты так называемых «золотых» элементов. Таким образом, у него получились две группы «серебряные» и «есть золото» (двухцветные монеты и золотистого цвета). Особый интерес представляет 1 информант, разделивший монеты на основе критерия «Красота». В результате

образовались две группы, которые испытуемый назвал «красивые» и «некрасивые».

При переходе к заданию 2 (распределение на 2 группы) из вышеупомянутых 8 испытуемых 6 оставили то же деление монет, что ими и было выполнено в задании 1 (деление на любое количество групп). Однако 2 информантов при получении инструкции задания 2 изменили критерий распределения монет с «Российские / нероссийские монеты» на «Серебряные / есть золото».

При проведении задания 2 к идеалистической стратегии мы относим распределение монет на группы «Русские / Нерусские» («Российские / нероссийские монеты»), «Чётность / нечётность» («Кратные двум / Некратные двум»), а также с использованием критериев «Номинал», «Часть света», «Стоимость валюты относительно рубля».

К материалистической стратегии мы относим распределение монет с использованием критериев «Металл», «Размер», «Цвет ободка», «Изображение на реверсе», «Резьба», т.к. в данном случае испытуемые считали определяющими материальные параметры объекта.

Между идеалистической и материалистической стратегиями выделяется переходная группа, куда мы отнесли распределения монет на группы «1» и «Больше 1». Мы не решились относить эту группу ни к одной из стратегий, т.к. не представляется очевидным, распределяли ли испытуемые монеты по номиналу или по визуальному наличию знака «1».

В рамках идеалистической стратегии, распределение монет на группы «Русские / Нерусские» представлено у 27 информантов. Можно предположить, что те информанты, которые разделили монеты на две группы по критерию «Русские / Нерусские» («Российские / нероссийские монеты»), в некоторых случаях могли руководствоваться принципами «свое / чужое», «наши (монеты) / не наши» или же географическим принципом.

По географическому признаку, т.е. руководствуясь критерием «Часть света», монеты на группы разделили 6 опрошиваемых.

2 испытуемых распределили монеты на группы, опираясь на критерий «Номинал»: в одном случае образовались группы «Номинал до 5» и «От 5 и больше», а в другом – «Номинал 1, 2» и «Больше 2». Состав групп в обоих случаях одинаков.

2 испытуемых разделили монеты на 2 группы, руководствуясь критерием «Чётность / нечётность».

Критерий «Стоимость валюты относительно рубля» представлен у 2 информантов. В одной группе у них оказались монеты долларов США, фунтов стерлингов и евро, т.к., по их мнению, только эти монеты при переводе на российский рубль составляют больше 30 рублей. Отдельно отметим тот факт, что у одного из этих испытуемых в обоих Экспериментах частично повторяется способ решения задачи. В Эксперименте 1 он опирался на сочетание критериев «Страна / Часть света – Номинал (стоимость относительно рубля)», а при выполнении задачи Эксперимента 2 руководствовался критерием «Стоимость валюты относительно рубля», т.е. в обоих случаях пытался сравнить стоимость других валют относительно российской.

В рамках материалистичной стратегии, критерий «Размер» представлена у 12 испытуемых, которые разделили монеты на «большие» и «маленькие».

Критерий «Металл» мы наблюдаем у 25 опрошенных. Однако у этого критерия есть 4 разновидности. Первая из них основана на принципе «Только “серебро” / наличие “золота”». 17 испытуемых разделили монеты на соответствующие группы «Только “серебро”» и «С наличием “золота” и полностью “золотые”». У 4 опрошенных монеты делятся на основании того, из скольких металлов они состоят. Таким образом, в одной группе оказываются те монеты, что внешне образованы одним металлом, а в другой – те, что двумя. У 3 испытуемых монеты распределены на 2 группы в зависимости от металла внешнего ободка: «серебряный ободок» и «золотой ободок». В данном случае внешнее наличие или отсутствие второго металла

в составе монеты (т.е. составлена монета из двух частей или является цельнометаллической) не имело значения: для испытуемых имел значение цвет металла внешней каймы монеты.

В рамках данного критерия особенно выделяется результат классификации на 2 группы 1 испытуемого, для которого определяющим стал принцип «Только “золото” / наличие “серебра”». Таким образом, им были образованы группы «Золото» и «Не золото». 1 испытуемый придерживался критерия «Резьба», обращая внимание на выраженность резьбы при распределении монет. 1 опрошенный опирался на критерий «Изображение на реверсе».

В переходной группе находятся результаты опроса 15 испытуемых, распределивших монеты на группы «1» и «Больше 1».

Отдельно мы опишем «оригинальные» распределения монет.

Так, 1 испытуемый разделил материал на «Юбилейные монеты» и «Обычные». 1 испытуемый разделил монеты на те, которые, по его мнению, выпущены «лимитированной серией», и на «обычные». У 1 опрошенного мы наблюдаем распределение монет на те, у которых «отмечен номинал 1» и «не отмечен номинал 1». Во вторую группу вошли не только монеты номиналом 2, 5 и 10, но и те «единички», у которых номинал прописан словом, например, «one pound». У 1 испытуемого представлены группы «Цифры» и «Изображения» в зависимости от того, каким знаком передан номинал монеты.

У 1 информанта монеты распределены на группы «номинал отображён цифрой» и «не цифрой». 1 испытуемый разделил монеты на те, на которых «есть растительность» и «нет растительности», имея в виду изображение растительных орнаментов. 1 опрашиваемый решил разделить монеты по принципу, на какую сторону она упадёт при подкидывании. Таким образом, у него получилось две группы «орёл» и «решка».

Особый интерес представляет 1 информант, разделивший монеты на основе критерия «Красота». В результате образовались две группы, которые испытуемый назвал «красивые» и «некрасивые».

2.2. Анализ результатов эксперимента с группированием языковых объектов (слов и квазислов)

В эксперименте со словами (Эксперимент 2) выделялось два задания, первое из которых (обозначим его «Задание 1») звучало следующим образом: «Вам будут предложены карточки с написанными на них словами. Ваша задача – распределить слова по группам; критерии распределения могут быть любыми, какие Вы считаете нужными. В одной группе может быть любое количество слов, групп также может быть любое количество». Вторая часть задания (обозначим его «Задание 2») даётся сразу же, как только данные первого записаны. Карточки со словами вновь смешиваются и информанту проговаривается задание: «Теперь Вам нужно распределить все слова только на две группы по какому-то одному критерию. Если Вы не удовлетворены тем, как Вы разложили карточки на группы, Вы можете изменить Вашу классификацию. Помните, что в этом эксперименте нет правильных или неправильных решений. Все ли Вам ясно?» Кроме того, важно заметить испытуемому, что в эксперименте нет «худших» и «лучших» ответов: опыт не является психологическим тестом, он не направлен на выявление особенностей личности или интеллекта, – и что любая предложенная классификация для экспериментатора в равной мере интересна. Время работы испытуемого с объектами не ограничивается. На любые вопросы типа: «Что это за язык?», «Существует ли такое слово?», – экспериментатор отвечает: «Я не знаю».

Таким образом, в рамках Эксперимента 2 также выделяется два задания.

Опрос проводился с участием 101 опрошенного: 46 мужчин и 55 женщин старше 18 лет.

Языковой материал (всего слов и квазислов 25) был подобран таким образом, чтобы количество слов и квазислов на каком-либо языке совпадало с количеством монет валюты той страны, в которой на этом языке говорят. Так, например, при наличии 12 российских рублей разного номинала в составе языкового материала содержится 12 слов и квазислов на русском языке. 2 монетам долларов США и 2 монетам фунтов стерлингов соответствуют 4 слова и квазислова на английском языке, а 2 монетам евро соответствуют два слова (одно слово и одно квазислово) на французском языке. При этом есть определённое соотношение между номиналом монеты и количеством слогов: монете с номиналом «1» соответствует слово из 2 слогов, с номиналом «2» – из 3 слогов, номиналу «5» – из 4 слогов, номиналу «10» – из 5 слогов.

Таблица 2. Список слов и квазислов, использованных в Эксперименте 2

Язык	Слова	Квазислова
Английский	Maker Page	Potesness Jear
Французский	Carnet	Demotèse
Датский		Vermøde
Чешский		Zhnovník
Японский	労働党	
Китайский	甲虫 岩羚羊	穉溜机
Русский	Половина Снегирь Комок Левитация Яблоко Корка	Рапантина Нуло Амекофирник Вжетка Штопань Кастонициан
Хинди	हिन्दी	

В рамках первой части задания Эксперимента 2 испытуемым было предложено распределить карточки со словами и квазисловами на разных языках по группам, руководствуясь при этом любыми критериями.

Проанализировав результаты Эксперимента 2, мы выделили стратегии, которые можно обозначить как объективистскую, субъективистскую и переходную.

К объективистской стратегии мы относим распределение слов с использованием критериев «Тип письма», «Количество слогов», а также «уникальные» распределения, представленные в единственном экземпляре, по критериям «Количество знаков», «Чётное / нечётное количество знаков в слове», «Наличие буквы «К» / тип письма», «Первая буква», «Количество уникальных гласных».

16 опрошенных распределили слова по критерию «Тип письма». При этом 9 из них поместили слова и квазислова на японском и китайском языках в одну группу со словом на хинди, объясняя это тем, что оба типа письма, на их взгляд, являются идеографическим (лингвисты), или тем, что хинди не относится ни к кириллице, ни к латинице (не лингвисты), или же тем, что хинди, по их мнению, может быть иероглификой, хоть и отличной от китайской (лингвисты и не лингвисты). Таким образом, у этих информантов получилось три группы: кириллица, латиница и группа, куда вошли все иероглифы и хинди. 6 информантов из тех, кто придерживался критерия «Тип письма» при распределении, разделили слова на 4 группы: кириллица, латиница, иероглифы и хинди, не решившись объединить две последние группы в одну. 1 из вышеупомянутых 16 опрошенных распределил слова на 5 групп, разделив «латиницу» на «без диакритических знаков» и «с диакритическими знаками».

3 информанта разделили слова по критерию «Количество слогов». 2 из них владеют китайским языком и 1 японским языком. Так, в первой группе у

2 испытуемых оказались слова, состоящие из 5 слогов. Во второй группе – из 2 слогов. В третьей группе – из 3 слогов. В четвёртой группе – из 4 слогов:

1. Амекофирник, Кастонициан, Левитация;
2. 甲虫, हिन्दी, Комок, Корка, Снегирь, Maker, Page, Jear, Carnet, Нуло, Вжетка, Штопань, Vermøde, Zhnovník;

3. Яблоко, Potesness, Demotèse, 労働党, 岩羚羊, 徉溼机 ;
4. Половина, Рапантина.

Третий испытуемый, руководствовавшийся критерием «Количество слогов», в отдельную группу вынес слово на хинди и китайское квазислово под предлогом того, что в этих словах он не решается выделить слоги:

1. Амекофирник, Кастонициан, Левитация;
2. 甲虫, Комок, Корка, Снегирь, Maker, Page, Jear, Carnet, Нуло, Вжетка, Штопань, Vermøde, Zhnovník;

3. Яблоко, Potesness, Demotèse, 労働党, 岩羚羊;
4. Половина, Рапантина;
5. हिन्दी, 徉溼机 .

Далее мы опишем результаты опроса тех 5 «оригинальных» информантов-объективистов, у которых представлен критерий, более не повторявшийся ни у одного из испытуемых.

1 испытуемый распределил слова и квазислова по критерию «Количество знаков». Слово на хинди он поместил в отдельную группу, так как не был уверен, сколько знаком можно в нём выделить:

1. हिन्दी;
2. 甲虫 ;
3. 労働党, 岩羚羊, 徉溼机 ;
4. Page, Jear, Нуло;
5. Корка, Maker, Комок;
6. Яблоко, Вжетка, Carnet;

7. Штопань, Снегирь, Vermøde;
8. Рапантина, Амекофирник, Кастонициан, Zhnovník, Demotèse, Левитация, Potesness, Половина.

1 испытуемый распределил слова и квазислова по критерию «Чётное / нечётное количество знаков в слове». Слова и квазислова на хинди, китайском и японском языках он поместил в отдельную группу, т.к. затруднялся выделить знаки в этих словах:

1. Нуло, Вжетка, Jear, Zhnovník, Demotèse, Половина, Яблоко, Page, Carnet;
2. Рапантина, Амекофирник, Штопань, Кастонициан, Potesness, Vermøde, Снегирь, Комок, Левитация, Корка, Maker;
3. 甲虫, 労働党, 岩羚羊, 稗湊机, हिन्दी.

1 испытуемый распределил слова и квазислова по критерию «Наличие буквы «К» / тип письма», выделив сначала группу слов, записанных кириллицей и содержащих букву «К», затем группу слов без буквы «К», записанных кириллицей, после чего группу слов, записанных латиницей, и отдельно слова, которые, по мнению опрашиваемого, записаны иероглифами:

1. Комок, Яблоко, Корка, Амекофирник, Кастонициан, Вжетка;
2. Половина, Снегирь, Левитация, Рапантина, Нуло, Штопань;
3. Maker, Page, Potesness, Jear, Carnet, Demotèse, Vermøde, Zhnovník;
4. 甲虫, 労働党, 岩羚羊, 稗湊机, हिन्दी.

1 опрашиваемый распределил слова и квазислова по критерию «Первая буква», выделив в отдельную группу слова и квазислова на китайском, и японском языках, и на хинди:

1. 甲虫, 労働党, 岩羚羊, 稗湊机, हिन्दी;	
2. Jear, Zhnovník;	8. Яблоко;
3. Вжетка, Vermøde;	9. Рапантина;

4. Комок, Корка, Кастонициан, Carnet;	10. Нуло;
5. Половина, Page, Potesness;	11. Амекофирник;
6. Снегирь;	12. Штопань;
7. Левитация;	13. Maker;
	14. Demotèse.

1 испытуемый распределил слова и квазислова по критерию «Количество уникальных гласных», выделив в отдельную группу слова и квазислова на китайском и японском языках и на хинди и объяснив это тем, что с этими словами у него возникают затруднения. В данном случае количество уникальных гласных подразумевает, что испытуемый опирался на наличие повторяющихся гласных букв в одном слове. Так, например, в слове «комок» гласные только «о», а в слове «яблоко» – «я» и «о», т.е. две:

1. Комок;
2. Снегирь, Яблоко, Корка, Рапантина, Нуло, Вжетка, Штопань, Maker, Page, Potesness, Jear, Carnet, Vermøde, Zhnovník;
3. Половина, Кастонициан, Demotèse;
4. Левитация, Амекофирник;
5. 甲虫, 労働党, 岩羚羊, 稗湊机, हिन्दी.

К переходной группе мы относим такие распределения, которые основаны на критериях «Язык / языковая группа (семья)», а также на комбинации критериев, относящихся к объективистской и субъективистской стратегиям.

У 36 опрошенных представлен критерий «Язык / языковая группа (семья)». При этом опрашиваемый часто лишь догадывается о принадлежности слова / квазислова к группе языков. Можно предположить, что в некоторых случаях испытуемые руководствуются географическим критерием, хотя и называют его «Группы языков», как, например, в случае с распределением слов на «европейские языки», «восточные» и «славянские», в результате чего получается схожее деление, какое мы уже наблюдали по

критерию «Тип письма»: слова, записанные на латинице; иероглифика и хинди; слова, записанные на кириллице. Это одна из причин, почему мы относим такие распределения в переходную группу:

1. 甲虫, 労働党, 岩羚羊, 律溼机, हिन्दी;
2. Половина, Снегирь, Комок, Левитация, Яблоко, Корка, Рапантина, Амекофирник, Кастонициан, Нуло, Вжетка, Штопань;
3. Maker, Page, Potesness, Jear, Carnet, Demotèse, Vermøde, Zhnovník.

Другая причина, по которой распределения по критерию «Язык / языковая группа (семья)» мы относим в переходную группу, связана с тем, что 13 из 36 придерживающихся этого критерия разделили русские слова от квазислов на русском языке, часто объясняя это тем, что, раз последние им непонятны или же значение их им неизвестно, эти слова они не могут объединить с понятными им словами русского языка. Пример такого распределения представлен ниже. При этом опрашиваемый, распределивший таким образом слова, отметил, что в группу №6 он поместил слова на «азиатских» языках, а в группу №7 – слова на «других азиатских языках»:

1. Половина, Снегирь, Комок, Левитация, Яблоко, Корка;
2. Рапантина, Амекофирник, Кастонициан, Нуло, Вжетка, Штопань;
3. Page, Carnet, Demotèse;
4. Potesness, Maker, Jear;
5. Vermøde, Zhnovník;
6. 甲虫, 労働党, 岩羚羊;
7. हिन्दी, 律溼机.

Интересно также отметить то наблюдение, что у 18 из 36 испытуемых, руководствовавшихся критерием «Язык / языковая группа (семья)», слова и квазислова на русском языке находятся в одной группе, т.е. можно предположить, что важную роль в данном случае играл и тип письма – кириллица, т.е. объективный признак.

У 18 из 36 испытуемых, руководствовавшихся критерием «Язык / языковая группа (семья)», слова и квазислова на русском языке находятся в одной группе. Кроме того, отметим, что у 6 опрошенных из этих 18 вместе с русскими словами и квазисловами в группе «славянских» языков находится и слово «Zhnovník», а у 1 информанта и слово «Demotèse»:

1. हिन्दी, 甲虫, 労働党, 岩羚羊, 符湟机 ;
2. Zhnovník, Demotèse, Половина, Снегирь, Комок, Левитация, Яблоко, Корка, Рапантина, Нуло, Амекофирник, Вжетка, Штопань, Кастонициан;
3. Maker, Page, Potesness, Jear, Carnet, Vermøde.

Как правило, информанты, опиравшиеся на критерий «Язык / языковая группа (семья)», не владеющие французским языком, полагали, что слова «Maker», «Page», «Potesness», «Jear», «Carnet» относятся к английскому языку, в то время, как владеющие французским языком испытуемые относили «Page» и «Carnet» в одну группу со словом «Demotèse», которую так и обозначали: «Слова французского языка». Кроме того, в ряде распределений «Maker», «Page», «Potesness», «Jear», «Carnet», «Vermøde» (и иногда вместе с ними «Demotèse» у не владеющих французским языком информантов) отнесены в группу «германских языков». Многие испытуемые предполагали, что слово «Zhnovník» относится к чешскому / польскому / сербскому языку.

У 2 информантов представлена комбинация критериев «Язык – Тип письма». Данные распределения характеризуются тем, что, несмотря на своё намерение выделить группы слов по (предполагаемому) языку, информанты отделяли слова на китайском, японском языках и хинди, руководствуясь тем, что эти слова, по их мнению, записаны иероглифами. 2 опрошенных распределили слова и квазислова на основании комбинации критериев «Значение – Тип письма». В данных случаях слова делились на «иероглифику» (китайский, японский языки, хинди), «латиницу», а в

«кириллице» выделялась группа «понятных» русских слов и «непонятных» (квазислова). 1 испытуемый при классификации слов руководствовался критерием «Язык – Значение – Тип письма».

Далее мы опишем так называемые «оригинальные» распределения слов и квазислов, которые мы, тем не менее, относим к переходной группе.

Так, у 1 опрошенного представлена комбинация критериев «Язык – Обыденность лексики». В отдельную группу опрашиваемый поместил слово «Левитация», т.к., по его словам, оно означает более сложное понятие:

1. Рапантина, Амекофирник, Кастонициан, Нуло, Вжетка, Штопань;
2. Половина, Снегирь, Комок, Яблоко, Корка;
3. Maker, Page, Potesness, Jear, Carnet;
4. Левитация;
5. 甲虫, 労働党, 岩羚羊, 稗湟机, हिन्दी;
6. Demotèse, Vermøde, Zhnovník.

У 1 опрошенного представлена комбинация критериев «Значение – Тип письма», поэтому слова на русском языке он разделил на те, значение которых ему известно и неизвестно (квази). В группе №3 оказались слова по принципу наличия диакритических знаков. В группе №4 – «единственное слово с перечёркнутой буквой». В группе №6 – слова, записанные «обычной латиницей»:

1. Половина, Снегирь, Комок, Левитация, Яблоко, Корка;
2. Рапантина, Амекофирник, Кастонициан, Нуло, Вжетка, Штопань;
3. Zhnovník, Demotèse;
4. Vermøde;
5. 甲虫, 労働党, 岩羚羊, 稗湟机 ;
6. Carnet, Maker, Page, Potesness, Jear;
7. हिन्दी.

1 испытуемый распределил слова и квазислова по «Типу шрифта», имея в виду, что в группе №1 оказалось слово, написанное тонким шрифтом, в группе №2 – жирным, а в группе №3 – обычным:

1. 符濫机 ;
2. 甲虫, 労働党, 岩羚羊, हिन्दी;
3. Половина, Снегирь, Комок, Левитация, Яблоко, Корка, Maker, Page, Jear, Carnet, Рапантина, Амекофирник, Кастонициан, Нуло, Вжетка, Штопань, Potesness, Zhnovník, Demotèse, Vermøde.

1 опрошенный посчитал, что слова следует распределить по «Похожести звучания», которую он, владея английским, французским и испанским языками, мог только предположить в случае со словами других языков:

1. Комок, Корка, Амекофирник, Кастонициан, 岩羚羊;
2. Снегирь, Maker, Carnet, Рапантина, Нуло, Штопань, Vermøde, 符濫机 ;
3. Zhnovník, Page, Вжетка, Jear, 労働党;
4. 甲虫, Potesness, Demotèse;
5. हिन्दी, Половина, Левитация, Яблоко.

1 информант при распределении слов на группы придерживался критерия, который он сам обозначил как «Род существительного». Таким образом, в группу №1 попали «слова мужского рода», в группу №2 «просто существительные», в группу №3 – «слова среднего рода», в группу №4 – «слова женского рода», в группу №6 – «непонятные», а слово, образовавшее группу №5, по мнению информанта просто должно быть отдельно:

1. Комок, Амекофирник, Кастонициан, Штопань, Zhnovník, Снегирь, Maker;
2. Potesness, Carnet, Demotèse, Левитация, Page;
3. Яблоко, Нуло, Vermøde;

4. Вжетка, Половина, Рапантина, Корка;
5. Jear;
6. 甲虫, 労働党, 岩羚羊, 徉溼机, हिन्दी.

У 1 испытуемого мы наблюдаем комбинацию критериев «Количество букв – Значение – Гласные буквы». Однако в данном случае не так просто выделить все критерии, которыми руководствовался испытуемый. Так, говоря о словах, оказавшихся в группе №1, сам информант отметил, что «ему смешно», глядя на них. В группе №2 оказались слова, в которых гласные только «а» и «е». В группе №3 – единственное слово-палиндром. В группе №4 – русские понятные информанту слова. Группу №5 сам испытуемый обозначил как «нарисованы трансформеры». Группа №6 образована словами, состоящими из 1 букв, а группа №7 – так называемыми «не группируемыми»:

1. Нуло, Штопань, हिन्दी;
2. Maker, Jear, Page, Carnet;
3. Комок;
4. Половина, Снегирь, Левитация, Яблоко, Корка;
5. 労働党, 岩羚羊;
6. Амекофирник, Кастонициан;
7. Potesness, Demotèse, Vermøde, Zhnovník, Рапантина, Вжетка,
8. 徉溼机, 甲虫.

К субъективистской стратегии мы относим такие распределения, которые основаны на критерии «Значение – Язык», а также его вариации «распознаю / не распознаю слова на языке», «могу / не могу прочесть» и т.д. 20 испытуемых придерживались этого критерия при распределении слов на группы. Такие распределения характеризуются попыткой испытуемых выделить в отдельные группы те слова, значение которых им понятно или кажется знакомым.

Так, например, в классификации, представленной ниже, опрашиваемый выделил три группы: в группе №1 находятся «существительные на языках,

которые информант распознаёт», группа №2 образована «словами русского языка, которые не существуют», а в группе №3 – «иероглифика»:

1. Половина, Снегирь, Комок, Левитация, Яблоко, Корка, Maker, Page, Potesness, Jear, Carnet, Demotèse, Vermøde, Zhnovník;
2. Рапантина, Амекофирник, Кастонициан, Нуло, Вжетка, Штопань;
3. 甲虫, 労働党, 岩羚羊, 徉溼机, हिन्दी.

Хотя более общим среди распределений по этому критерию кажется вариант, в котором информант выделяет в отдельные группы «иероглифику» (китайский, японский языки и хинди) в качестве группы восточных языков, слова на латинице в качестве европейских языков, а слова, записанные кириллицей, делит на те, значение которых информанту известно и неизвестно:

1. 甲虫, 労働党, 岩羚羊, 徉溼机, हिन्दी;
2. Maker, Page, Potesness, Jear, Carnet, Demotèse, Vermøde, Zhnovník;
3. Половина, Снегирь, Комок, Левитация, Яблоко, Корка;
4. Рапантина, Амекофирник, Кастонициан, Нуло, Вжетка, Штопань.

Отдельно мы выделяем распределения в рамках стратегии, которую мы обозначим когнитивно-субъективистской. В данной группе представлены результаты опросов 3 информантов. Все из них совершили попытку проникнуть в значение не только слов, но и квазислов.

Так, например, один из этих испытуемых (не владеющий иностранными языками) объяснил своё распределение следующим образом: в группу №1 помещены те слова, которые «могут быть названием места», в группу №3 – те слова, которые «будто бы называют представителя общества». Группа №4 образована словами, которые означают «понятия в природе» в то время, как группа №5 – «что-то такое, что мешает». В группе

№6 находится слово, означающее фрукт, в группе №7 – птицу, а в группе №8 – размер. Слова, оказавшиеся в группе №9, по мнению информанта «просто должны быть вместе», а в группе №2 – «иероглифы»:

1. Рапантина, Амекофирник, Штопань, Кастонициан, Vermøde;
2. 甲虫, 労働党, 岩羚羊, 搾搾机, हिन्दी;
3. Вжетка, Carnet, Zhnovník;
4. Левитация, Нуло;
5. Комок, Корка;
6. Яблоко;
7. Снегирь;
8. Половина;
9. Maker, Page, Potesness, Jear, Demotèse.

Остальные 2 испытуемых владеют французским и английским языками.

У другого испытуемого в группе №1 оказались те слова, которые, по его мнению, являются «утварью», в группе №2 – те, что означают какие-то абстрактные понятия, в группе №5 – слова, означающие «часть от целого», в группе №7 – «еда». В группу №6 информант поместил слова, которые, по его предположению, означают одно и то же, но на разных языках. В группе №3 оказались «английские слова», а группа №8 была образована из одного слова, т.к. испытуемый, по своему собственному замечанию, не смог его определить ни в одну другую группу. Группа №4 образована «иероглифами», по словам информанта:

1. Амекофирник, Вжетка, Рапантина, Нуло, Штопань;
2. हिन्दी, Кастонициан, Левитация, Demotèse, Potesness;
3. Carnet, Maker, Page, Jear;
4. 甲虫, 労働党, 岩羚羊, 搾搾机;
5. Комок, Половина, Корка;
6. Снегирь, Zhnovník;
7. Яблоко;

8. Vermøde.

1 из упомянутых 3 информантов распределил слова по группам следующим образом: группу №2 он обозначил как «шипящие», группу №3 – «что-то их объединяет», группу №4 – «слова английского / французского языка», группу №5 – как «известные слова», №6 – «связано со сверхъестественным», группу №7 – как «неизвестное», а группу №8 – как «возможно, архаизмы»:

1. 甲虫, 労働党, 岩羚羊, 辘轳机 ;
2. Zhnovník, Амекофирник, Вжетка;
3. Комок, Корка, Штопань;
4. Maker, Page, Potesness, Jear, Carnet;
5. Половина, Снегирь, Яблоко;
6. Левитация, Demotèse, Vermøde, Кастонициан;
7. हिन्दी;
8. Нуло, Рапантина.

Отдельно скажем о тех 7 испытуемых, которые сразу же, в Задании 1, распределили слова на 2 группы. 2 из них придерживались критерия «Тип письма» и распределили слова на «иероглифику» (китайские, японские слова и слово на хинди) и на «остальное». Остальные 5 руководствовались критерием «Значение слова» и его вариациями («значение знаю (понимаю) / могу предположить / не знаю»), разделив, таким образом, слова на те, которые им известны, знакомы или кажутся таковыми, и на те, которые они не знают.

4 информантов из упомянутых 7 при переходе к выполнению второго задания Эксперимента 2 изменили принцип деления слов на группы. 2 испытуемых сменили критерий «Значение слова» на «Русский / не русский язык», 1 сменил «Тип письма» на «Значение слова» (известно / не известно), 1 опрашиваемый сменил «Значение слова» (известно / не известно) на «Тип письма».

Перейдём к анализу результатов Задания 2 (деление только на две группы) Эксперимента 2.

К объективистской стратегии мы также относим распределения на основе критериев, связанных с типом письма, с географическими аспектами, с количеством слогов и символов, с начальными буквами.

Так, критерий «Тип письма» представлен у 24 информантов. У 19 из них слова разделены на «иероглифы» (слова на китайском, японском языках и хинди) и на «остальные» («не иероглифы»):

甲虫,	Половина,	Снегирь,	Комок,
労働党,	Левитация,	Яблоко,	Корка,
岩羚羊,	Рапантина,		Нуло,
徉溘机,	Амекофирник,		Вжетка,
हिन्दी	Штопань,	Кастонициан,	Maker,
	Page,	Potesness,	Jear,
	Carnet,	Demotèse,	Vermøde,
	Zhnovník		

У 2 из упомянутых 24 информантов в отдельной группе оказались только слова на китайском и японском языках, хотя, как и в предыдущем случае, испытуемые оговорили, что делят слова на «иероглифы» и «не иероглифы»:

हिन्दी,	Половина,	Снегирь,	甲虫,
Комок,	Левитация,	Яблоко,	労働党,
Корка,	Рапантина,	Нуло,	岩羚羊,
Амекофирник,		Вжетка,	徉溘机
Штопань,	Кастонициан,	Maker,	
Page,	Potesness,	Jear,	Carnet,
Demotèse,	Vermøde,	Zhnovník	

3 из упомянутых 24 информантов разделили слова на «иероглифы / диакритические знаки» и на те, что «без диакритических знаков»:

Половина, Снегирь, Комок	甲虫,
--------------------------	-----

Левитация, Яблоко, Корка	労働党,
Рапантина, Нуло, Амекофирник	岩羚羊,
Вжетка, Штопань, Кастонициан	徻湟机 ,
Maker, Page,	हिन्दी,
Potesness,	
Jear, Carnet	Demotèse, Vermøde, Zhnovník

17 испытуемых разделили слова на записанные кириллицей и записанные не кириллицей:

Комок, Рапантина, Амекофирник	Maker, Carnet, Potesness,
Кастонициан, Нуло, Штопань	Vermøde, Zhnovník, Page, Jear,
Половина, Левитация, Яблоко	Demotèse,
Корка, Снегирь, Вжетка	हिन्दी,
	甲虫,
	労働党,
	岩羚羊,
	徻湟机 ,

1 опрошенный разделил слова на записанные латиницей и записанные не латиницей.

4 информанта руководствовались критерием «Часть света». 3 из них разделили слова на группы «Восток» и «Запад», образованные словами на хинди, китайском, японском языках и словами на других языках соответственно. 1 опрошенный, опирающийся на этот критерий, разделил слова на группы «Европа» и «Азия», причём в группу «Европа» он поместил те слова, записанные кириллицей, которые, по его мнению, являются заимствованиями с европейских языков. В группе «Азия» же оказались слова, которые принадлежат к языкам стран, относящихся, по мнению информанта, больше к азиатской части света, в том числе и русские:

Нуло, Demotèse, Carnet, Vermøde,	Половина, Снегирь, Комок,
Левитация, Амекофирник,	Яблоко, Корка, Рапантина,

Кастонициан, Maker, Potesness,
Jear, Page

Вжетка, Штопань, Zhnovník
हिन्दी,
甲虫,
労働党,
岩羚羊,
稗湟机,

У 4 опрошенных представлен критерий «Количество слогов». 3 из них владеют китайским и 1 японским языком. Испытуемые разделили слова на те, в составе которых «два слога» и «больше двух слогов». При этом один иероглиф был взят ими за один слог:

甲虫,
हिन्दी,
Снегирь, Комок, Корка, Нуло,
Вжетка, Штопань, Make, Page,
Jear, Carnet, Vermøde, Zhnovník

労働党,
岩羚羊,
稗湟机,
Половина, Левитация, Яблоко,
Рапантина, Амекофирник,
Кастонициан, Potesness,
Demotèse

Далее идёт описание распределений в рамках объективистской стратегии, которые представлены только у одного испытуемого.

1 информант распределил слова на те, в составе которых «5 слогов и более» и «меньше 5 слогов». Этот информант владеет китайским языком:

Левитация,
Амекофирник,
Кастонициан

Maker, Potesness, Jear, Page,
Нуло, Demotèse, Carnet,
Vermøde, Половина, Снегирь,
Комок, Яблоко, Корка,
Рапантина, Вжетка, Штопань
Zhnovník, हिन्दी, 甲虫, 労働党,
岩羚羊, 稗湟机

У 1 испытуемого представлен критерий «Количество букв: 5 букв и меньше и более 5»:

甲虫,	Половина, Снегирь, Левитация,
労働党,	Яблоко, Carnet, Рапантина,
岩羚羊,	Амекофирник, Вжетка,
符濠机,	Штопань, Кастонициан,
हिन्दी,	Potesness, Vermøde, Zhnovník,
Комок, Корка, Page, Нуло, Jear,	Demotèse
Maker	

У 1 испытуемого представлен критерий «Количество символов»: до 4 и больше 4:

甲虫,	労働党, 岩羚羊, 符濠机
हिन्दी,	Комок, Половина, Левитация,
Нуло,	Яблоко, Корка, Снегирь, Carnet,
Jear,	Рапантина, Амекофирник,
Page,	Кастонициан, Штопань,
	Вжетка, Vermøde, Zhnovník,
	Demotèse, Potesness, Maker

У 1 испытуемого представлено распределение по критерию «Первая буква». В результате получилось две группы: «Начинается на согласную» и «Начинается не на согласную», в последнюю из которых вошли слова «Яблоко», «Амекофирник» и все слова на китайском, японском языках и слово на хинди.

К переходной группе мы относим такие распределения, которые основаны на критериях «Принадлежность к русскому языку», «Языковая группа (семья)», «Существование слов», «Наличие ассоциаций», «Сложность понятий», «Выделение графем», «Наличие символов в латинском алфавите»,

«Длина слова» (при невыполнении заявленных информантом условий распределения).

7 испытуемых разделили слова на группы «русских» и «не русских» слов (критерий «Принадлежность к русскому языку»). У 4 из них в первой группе оказались все слова, записанные кириллицей, а во второй – все записанные латиницей. У 2 информантов из упомянутых 7 в первой группе оказались только «стандартные» русские слова (не квази), а все остальные слова – во второй. У ещё 1 опрошенного в первой группе оказались слова, записанные кириллицей, кроме слова «вжетка»: это слово вместе с остальными находится во второй группе.

2 испытуемых основывались на критерии «Языковая группа (семья)». Так, один из них разделили слова на группы «Сино-тибетские языки» (китайские и японские слова) и «Индоевропейские языки» (все остальные). Другой из них разделил слова на группы «Славянские языки» (все слова, записанные кириллицей и «Zhnovník») и «Не славянские языки» (все остальные).

У 1 опрошенного представлен критерий «Существование слов». Опрошенный предположил, что часть слов «не существуют», поэтому отнёс их во вторую группу. Информант владеет китайским и английским языками:

労働党, 岩羚羊, 甲虫, हिन्दी,	Рапантина,
Половина, Левитация, Яблоко,	Амекофирник,
Кастонициан, Demotèse, Комок,	Potesness,
Штопань, Page, Нуло, Вжетка,	Jear,
Корка, Снегирь, Vermøde, Carnet,	稗溜机
Zhnovník, Maker	

У 1 опрошенного представлен критерий «Выделение графем». Так, он разделил слова на те, в которых он не может выделить графемы (китайские, японские слова и слово на хинди), и те, в которых может (все остальные). 1 информант руководствовался критерием «Наличие ассоциаций» и разделил

слова на те, с которыми ассоциаций у него нет (китайские, японские слова и слово на хинди), и на те, с которыми есть (все остальные).

1 испытуемый распределил слова на 2 группы на основании критерия «Длина слова». Однако, мы помещаем его в переходную группу, т.к., например, слова «Штопань» и «Снегирь» (7 букв) помещены в группу со словами «покороче», в то время, как слово «Яблоко» (6 букв) находится в группе слов «подлиннее»:

甲虫, 労働党, 岩羚羊, 稗濠机,	Vermøde, Zhnovník,
हिन्दी, Комок, Корка, Снегирь,	Demotèse, Половина,
Maker, Page, Carnet, Jear, Нуло,	Левитация, Яблоко,
Вжетка, Штопань	Potesness, Рапантина,
	Амекофирник, Кастонициан

1 опрошенный основывался на критерии «Сложность понятий», разделив слова на те, которые, по его предположению, означают «повседневные» понятия, и те, которые означают «сложные понятия». При этом опрошенный владеет французским и английским языками:

Комок, Штопань, Page, Яблоко,	Амекофирник, Кастонициан
Нуло, Вжетка, Половина, Корка,	Demotèse, Левитация, Vermøde,
Снегирь, 甲虫, हिन्दी, 稗濠机	Рапантина, Jear, Potesness, Carnet
	Zhnovník, Maker, 労働党, 岩羚羊

У 1 испытуемого представлено распределение по критерию «Наличие символов в латинском алфавите». В первой группе оказались слова, все символы из состава которых присутствуют в латинском алфавите, по мнению испытуемого. А во второй группе находятся слова, в которых не все образующие их знаки (или никакие из них не) относятся к латинскому алфавиту:

Половина, Комок, Левитация,	甲虫, 労働党, 岩羚羊, 稗濠机,
Яблоко, Корка, Рапантина,	हिन्दी, Снегирь, Нуло,
Вжетка, Штопань,	

Кастонициан, Maker, Page, Амекофирник
Potesness, Jear, Carnet,
Demotèse, Vermøde, Zhnovník

К субъективистской стратегии мы относим те распределения, в основе которых лежит критерий «Значение слова» и такие его вариации, как «Могу / не могу прочесть слово», «Распознаю / не распознаю», «Могу предположить значение слов / не могу» и прочие. Всего критерий «Значение слова» представлен у 28 опрошенных. Среди них только 1 испытуемый разделил слова на «иероглифы» (китайские, японские слова и слово на хинди) и «не иероглифы» (все остальные). У всех 28 опрошенных за исключением одного в группу «понятных» слов входят русские «стандартные» слова – исключение состоит в отсутствии у одного информанта слова «Левитация» в группе «понятных слов», – а также английские «Maker» и «Page», реже – «Carnet» (вне зависимости от владения французским языком), «Jear», «Potesness». У владеющих китайским или японском языком респондентов в группе «понятных / знакомых» слов в некоторых случаях появляются какие-то из китайских или японских слов.

Критерий «Могу / не могу прочесть слово» мы наблюдаем в распределениях 7 опрошенных. У 3 из них в группу «Не могу прочесть» входят только «иероглифы» (китайские, японские слова и слово на хинди). У ещё 1 опрошенного в группу «нечитаемых» к «иероглифам» добавляется слово «Vermøde», а у другого «Demotèse», «Vermøde» и «Zhnovník». У одного испытуемого, руководствовавшегося этим критерием распределения, слова разделены на те, что записаны кириллицей, – «читаемые», – и те, что записаны с помощью других знаковых систем, – «нечитаемые». У 1 информанта, владеющего, помимо английского, китайским языком, к группе «нечитаемых» относится только слов на хинди и «Demotèse», «Vermøde», «Zhnovník».

Перейдём к описанию распределений в рамках принятой нами субъективистской стратегии, которые мы называем «оригинальные».

1 информант разделил слова на группы «Целое» и «Не целое», в результате чего во второй из этих групп оказалось только одно слово – «штопань», т.к., по мнению информанта, ассоциируясь с глаголом «штопать», это слово будто бы несёт за собой значение «чего-то не целого, заштопанного». Все остальные слова оказались в другой группе.

1 испытуемый, владеющий французским, испанским и английским языками, разделил слова на те, что «звучат мягче», на его взгляд, и на те, что «звучат жёстче». Таким образом, получилось распределение, представленное ниже. Примечательно, что при выполнении первого задания эксперимента со словами, этот испытуемый применил тот же способ решения задачи, разделив слова по предполагаемой им схожести звучания:

甲虫, हिन्दी, Комок, Рапантина,	労働党, 岩羚羊, 律濶机, Корка,
Амекофирник, Кастонициан,	Снегирь, Vermøde, Zhnovník,
Maker, Carnet, Нуло, Штопань,	Page, Вжетка, Jear, Demotèse
Potesness, Половина, Левитация,	
Яблоко	

1 информант разделил слова по критерию того, способен ли он освоить языки, на которых записаны слова. Так, в той группе, которая обозначена «Не способна освоить», находятся так называемые «иероглифы» (китайские, японские слова и слово на хинди), а в группе «Способна освоить» – все остальные. Информант владеет испанским и английским языками.

У 1 испытуемого, владеющего французским и английским языками, представлено распределение по критерию «Говорю на языке / не говорю». Так, в группе «Говорю на языке» оказались русские «стандартные» слова (не квази), а также английские и французские «стандартные» и квазислова.

Интересным кажется то наблюдение, что все информанты, руководствовавшиеся критерием «Количество слогов», владеют либо китайским, либо японским языком. Кроме того, отметим тот факт, что «иероглифы» часто оказывались в отдельной группе либо по «Типу письма»,

либо по критерию «Значение» («не распознаю» / «не могу предположить, что значат» / «нет ассоциаций» / «не способна овладеть» / «значение не известно»).

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2

Подытожим сначала результаты анализа эксперимента с неязыковыми объектами. Мы выделили три стратегии, которые можно обозначить как идеалистическую, материалистическую и смешанную. Вслед за Э.В. Ильенковым, под «идеальным» здесь мы понимаем общезначимые для социума универсалии, зафиксированные в форме исторически сложившихся формах духовной культуры, которые каждый из представителей социума осваивает для существования в нём. Так, стоимость идеальна потому, что является универсальной формой, безразличной к любому чувственно осязаемому материалу своего «воплощения». Поэтому в основе идеалистической стратегии лежит универсальный, исторически сложившийся принцип: мы относим сюда распределение монет с использованием критериев «Номинал», «Валюта», «Страна использования монеты», «Часть света», «Год выпуска», а также при комбинации этих критериев.

К материалистической стратегии мы относим распределение монет с использованием критериев «Металл», «Цвет», «Размер», «Толщина», «Изображение на реверсе», а также при комбинации этих критериев, т.к. в данном случае испытуемые считали определяющими материальные параметры объекта.

К смешанной стратегии мы отнесли классификации на основе сочетания критериев, относимых к идеалистической и материалистической стратегии.

При распределении монет на произвольное количество групп, 43 информанта разделили монеты на группы с использованием одного критерия (однопараметровые распределения) и 49 – на основе комбинации критериев (многопараметровые распределения). 8 испытуемых разделили неязыковые объекты сразу на две группы.

Внутри группы однопараметровых распределений преобладает идеалистическая стратегия (30 опрошенных, 16 из которых за основу

классификации взяли критерий «Часть света / Страна использования монеты», 11 – «Номинал», 2 – критерий «Валюта», 1 – критерий «Год выпуска»), но 13 информантов придерживались материалистической стратегии (из них: 6 испытуемых распределили монеты по критерию «Изображение на реверсе», 3 – по критерию «Металл», 2 – по критерию «Размер», 2 – по критерию «Цвет»).

Внутри многопараметровых распределений преобладают идеалистическая (18 информантов) и смешанная стратегии (18 информантов). В рамках идеалистической стратегии наибольшее количество информантов разделили монеты на основе комбинации критериев «Страна / Часть света – Номинал» (14 испытуемых), 3 испытуемых распределили монеты, руководствуясь комбинацией критериев «Валюта – Номинал» и 1 опрошенный – «Страна – Номинал (стоимость относительно рубля)».

Внутри многопараметровых распределений 13 испытуемых придерживались материалистической стратегии: 7 опирались на критерии «Размер – Цвет», 3 – «Металл – Размер», 1 – «Размер – Толщина», 1 – «Цвет – Необычность», 1 – «Металл – Необычность».

Внутри многопараметровых распределений в рамках смешанной стратегии (18 испытуемых) у 4 опрошенных представлен критерий «Номинал – Его знаковое обозначение», критерий «Страна / Часть света – Необычность» – у 3 человек, в единственном экземпляре представлены распределения по различным комбинациям критериев «Страна», «Размер», «Валюта», «Цвет», «Металл», «Номинал», «Изображение на реверсе», «Необычность».

У тех 8 испытуемых, которые сразу же в Задании 1 распределили монеты на две группы, преобладает идеалистическая стратегия: 4 распределили монеты, руководствуясь критерием «Российские / нероссийские монеты». 1 информант разделил монеты по номиналу на «чётные» и «нечётные». Только 1 информант руководствовался критерием,

который можно отнести к материалистической стратегии. В основе его распределения лежал критерий «Металл».

Мы наблюдаем 3 распределения, которые не решаемся отнести ни к одной из стратегий. Одно из них основано на критерии «Наличие дубликата в наборе», другое – на критерии «Красота», третье – «Орёл / решка» (два последних характеризуются разделением сразу на две группы).

Мы решили систематизировать не только стратегии, но и критерии, и проследить, какие критерии упоминались 101 информантом чаще всего (т.е. мы считали «встречаемость» этого критерия во всём наборе результатов опросов):

- критерий «Страна / Часть света» у 39 опрошенных;
- критерий «Номинал» у 39 опрошенных;
- критерий «Валюта» у 8 информантов;
- критерий «Размер» у 18 опрошенных;
- критерий «Цвет» у 16 информантов;
- критерий «Металл» у 9 испытуемых;
- критерий «Изображение на реверсе» у 8 информантов.

Перейдём к итогам задания с распределением неязыковых объектов на две группы.

При проведении Задания 2 к идеалистической стратегии (39 опрошенных) мы относим распределение монет на группы «Русские / Нерусские» («Российские / нероссийские монеты») (27 информантов), «Чётность / нечётность» («Кратные двум / Некратные двум») (2 информантов), а также с использованием критериев «Номинал» (2 информантов), «Часть света» (6 испытуемых), «Стоимость валюты относительно рубля» (2 испытуемых).

К материалистической стратегии (39 опрошенных) мы относим распределение монет с использованием критериев «Металл» (22 испытуемых), «Размер» (12 испытуемых), «Цвет ободка» (3 опрошенных),

«Изображение на реверсе» (1 информант), «Резьба» (1 информант), т.к. в данном случае испытуемые считали определяющими материальные параметры объекта.

Между идеалистической и материалистической стратегиями выделяется переходная группа, куда мы отнесли распределения монет на группы «1» и «Больше 1» (16 информантов).

При распределении неязыковых объектов на 2 группы наиболее часто встречающимися критериями являются:

- критерий «Русские / Нерусские» («Российские / нероссийские монеты») – 27 информантов;
- критерий «Металл» – 22 испытуемых;
- критерий «Размер» – 12 информантов;
- критерий «1 / больше 1» – 16 испытуемых;
- критерий «Часть света» – 6 опрошенных.

Подытожим результаты эксперимента с группированием языковых объектов. Проанализировав результаты Эксперимента 2, мы выделили стратегии, которые можно обозначить как объективистскую, субъективистскую и переходную. Объективистской мы обозначаем такую стратегию, образующие критерии которой информант не «примеряет» на себя. Признаки объектов, лежащие в основе таких группирований, относятся только к самим объектам в то время, как при опоре на критерий, относящийся к субъективистской стратегии, информант оценивает объекты, «меря» их по себе, например, «Знаю / не знаю значение слова», «Распознаю / не распознаю язык» и т.д.

К объективистской стратегии (24 информанта) мы относим распределение слов с использованием критериев «Тип письма» (16 испытуемых), «Количество слогов» (3 информанта), а также «уникальные» распределения, представленные в единственном экземпляре у единичного информанта, по критериям «Количество знаков», «Чётное / нечётное

количество знаков в слове», «Наличие буквы «К» / тип письма», «Первая буква», «Количество уникальных гласных». Наиболее общим примером распределения слов по критерию «Тип письма» является распределение на «кириллицу», «латиницу» и «иероглифы» (с модификациями отнесения слова на хинди к «иероглифам» или в отдельную группу).

К переходной группе (47 опрошенных) мы относим такие распределения, которые основаны на критериях «Язык / языковая группа (семья)». Этот критерий представлен у 36 опрошенных. Распределения по критерию «Язык / языковая группа (семья)» варьируются от разделения на «европейские языки», «восточные» и «славянские» до выделения отдельных групп «германских языков», «сино-тибетских языков», «романских языков» или же до деления на непосредственно языки: «английский», «французский», «китайский» и т.д.

У 2 информантов представлена комбинация критериев «Язык – Тип письма». 2 опрошенных распределили слова и квазислова на основании комбинации критериев «Значение – Тип письма». 1 испытуемый при классификации слов руководствовался критерием «Язык – Значение – Тип письма».

В рамках переходной стратегии у 1 испытуемого мы наблюдаем комбинацию критериев «Количество букв – Значение – Гласные буквы», 1 информант при распределении слов на группы придерживался критерия, который он сам обозначил как «Род существительного». В единичном экземпляре представлены критерии «Похожесть звучания», «Тип шрифта», «Значение – Тип письма», «Язык – Обыденность лексики».

К субъективистской стратегии (23 информанта) мы относим такие распределения, которые основаны на критерии «Значение», а также его вариации «распознаю / не распознаю слова на языке», «могу / не могу прочесть» и т.д. 20 испытуемых придерживались этого критерия при распределении слов на группы. Такие распределения характеризуются

попыткой испытуемых выделить в отдельные группы те слова, значение которых им понятно или кажется знакомым.

Более общим среди распределений по этому критерию кажется вариант, в котором информант выделяет в отдельные группы так называемую «иероглифику» (китайский, японский языки и хинди) в качестве группы восточных языков, слова на латинице в качестве европейских языков, а слова, записанные кириллицей, делит на те, значение которых информанту известно и неизвестно.

В рамках субъективистской стратегии мы отдельно выделяем когнитивно-субъективистские распределения. 3 информанта, следовавшие такому распределению, попытались проникнуть в значение не только слов, но и квазислов и выделить группы слов, которые «означают птицу / могли бы означать название местности / означают утварь».

Таким образом, наиболее упоминаемыми критериями группирования языковых объектов у 101 информанта оказались следующие:

- «Язык / языковая группа (семья)» – 40 испытуемых;
- «Значение» – 25 испытуемых;
- «Тип письма» – 22 испытуемых.

Отдельно скажем о тех 7 информантах, которые уже в Задании 1 эксперимента с языковыми объектами распределили слова на 2 группы. 2 из них придерживались критерия «Тип письма», поэтому их можно отнести к объективистской стратегии. Остальные 5 руководствовались критерием «Значение слова» и его вариациями («значение знаю (понимаю) / могу предположить / не знаю»), поэтому их можно отнести к субъективистской стратегии.

При проведении Задания 2 (распределение на две группы) в рамках эксперимента с группированием языковых объектов к объективистской стратегии (52 информанта) мы также относим распределения на основе критериев, связанных с типом письма, с географическими аспектами, с количеством слогов и символов, с начальными буквами.

Так, критерий «Тип письма» представлен у 24 информантов, у 19 из которых слова разделены на «иероглифы» (слова на китайском, японском языках и хинди) и на «остальные» («не иероглифы»). 17 испытуемых разделили слова на записанные кириллицей и записанные не кириллицей и 1 опрошенный разделил слова на записанные латиницей и записанные не латиницей. 4 информанта руководствовались критерием «Часть света», ещё 4 опрошенных – критерием «Количество слогов». В рамках объективистской стратегии по 1 испытуемому выбрали критерии «5 слогов и более / меньше 5 слогов», «Количество букв: 5 букв и меньше и более 5», «Количество символов: до 4 и больше 4», «Первая буква».

К переходной группе (15 испытуемых) мы относим такие распределения, которые основаны на критериях «Принадлежность к русскому языку» (группы «русских» и «не русских» слов) (7 опрошенных), «Языковая группа (семья)» (2 испытуемых), «Существование слов» (1 информант), «Наличие ассоциаций» (1 информант), «Сложность понятий» (1 информант), «Выделение графем» (1 информант), «Наличие символов в латинском алфавите» (1 информант), «Длина слова» (1 информант, «на глаз» поместивший некоторые слова «покороче» к словам «подлиннее» и наоборот).

К субъективистской стратегии (32 испытуемых) мы относим те распределения, в основе которых лежит критерий «Значение слова» и такие его вариации, как «Могу / не могу прочесть слово», «Распознаю / не распознаю», «Могу предположить значение слов / не могу» и прочие. Всего критерий «Значение слова» представлен у 28 опрошенных. У всех 28 опрошенных за исключением одного в группу «понятных» слов входят русские «стандартные» слова – исключение состоит в отсутствии у одного информанта слова «Левитация» в группе «понятных слов» – а также некоторые другие. У владеющих китайским или японском языком респондентов в группе «понятных / знакомых» слов в некоторых случаях появляются какие-то из китайских или японских слов.

Критерий «Могу / не могу прочесть слово» мы наблюдаем в распределениях 7 опрошенных (из 28). У 3 из них в группу «Не могу прочесть» входят только «иероглифы» (китайские, японские слова и слово на хинди). У одного испытуемого, руководствовавшегося этим критерием распределения, слова разделены на те, что записаны кириллицей, – «читаемые», – и те, что записаны с помощью других знаковых систем, – «нечитаемые».

Отметим, что при распределении на 2 группы языковых объектов наиболее упоминаемыми критериями были:

- «Значение слова» – 28 опрошенных;
- «иероглифы» / «не иероглифы» («Тип письма») – 19 опрошенных;
- «кириллица» / «не кириллица» («Тип письма») – 17 опрошенных;
- «русские» / «не русские» («Принадлежность к русскому языку») – 7 опрошенных.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Перед нами стояла цель выделить те стратегии, которыми руководствуются люди при классификации языковых и неязыковых объектов, выделить наиболее часто встречающиеся критерии группирования. Поставленную цель можно считать достигнутой, так как проведенное исследование показало, что критерии, лежащие в основе распределений объектов, образуют определённые стратегии группирования. Языковые и неязыковые объекты группируются по разным факторам, отражающим их разные свойства, и эти факторы являются одновременно объективными и субъективными.

Так, касательно распределений неязыковых объектов на группы, мы выделили три стратегии, которые можно обозначить как идеалистическую, материалистическую и смешанную.

К идеалистической стратегии мы относим распределение монет с использованием критериев «Номинал», «Валюта», «Страна использования монеты», «Часть света», «Год выпуска», а также при комбинации этих критериев.

К материалистической стратегии мы относим распределение монет с использованием критериев «Металл», «Цвет», «Размер», «Толщина», «Изображение на реверсе», а также при комбинации этих критериев, т.к. в данном случае испытуемые считали определяющими материальные параметры объекта.

К смешанной стратегии мы отнесли классификации на основе сочетания критериев, относимых к идеалистической и материалистической стратегии.

Говоря о группировании языковых объектов, мы выделили стратегии, которые можно обозначить как объективистскую, субъективистскую и переходную.

К объективистской стратегии мы относим распределение слов с использованием критериев «Тип письма», «Количество слогов», «Количество знаков», «Чётное / нечётное количество знаков в слове», «Наличие буквы «К» / тип письма», «Первая буква», «Количество уникальных гласных».

К переходной группе мы относим такие распределения, которые основаны на критерии «Язык / языковая группа (семья)», а также на комбинации критериев, относящихся к объективистской и субъективистской стратегиям.

К субъективистской стратегии мы относим такие распределения, которые основаны на критерии «Значение – Язык», а также его вариации «распознаю / не распознаю слова на языке», «могу / не могу прочесть» и т.д.

Таким образом, основными критериями группирования неязыковых объектов в рамках идеалистической стратегии являются: «Страна / Часть света», «Номинал», «Принадлежность» («Русские / Нерусские», «Наши / не наши», «Российские / не российские»), – в то время, как в рамках материалистической стратегии критерии «Цвет», «Размер», «Металл». Также одним из критериев группирования неязыковых объектов является критерий «1 / не 1» (о номинале), который мы относим к смешанной стратегии.

Основными критериями группирования языковых объектов в рамках объективистской стратегии является критерий «Тип письма» с вариациями «иероглифы» / «не иероглифы», «кириллица» / «не кириллица». В рамках субъективистской стратегии – критерий «Значение». Также одним из критериев группирования языковых объектов являются критерии «Язык / языковая группа (семья)» и «русские» / «не русские» («Принадлежность к русскому языку»), которые мы относим к переходной стратегии.

Несмотря на то, что языковые и неязыковые объекты группируются по разным факторам, отражающим их разные свойства, вследствие чего мы обозначили по-разному стратегии группирования языковых и неязыковых объектов, мы предполагаем, что стратегии группирования этих типов объектов частично можно сопоставить. Так, некоторые критерии

распределений неязыковых объектов, относящихся к идеалистической стратегии, можно соотнести с «объективистскими» критериями распределений языковых объектов, потому что и в том, и в другом случае, информанты распределяли объекты по объективному критерию, например, монеты – по «Номиналу», по «Стране / части света», а слова – по «Типу письма» и «Количеству символов». Сравним: номинал монеты или тип письма у слова – это те характеристики, принимая во внимание которые информант не примеряет их на себя, т.к. это уже неотъемлемые характеристики этих объектов. Количество слогов, знаков, букв тоже можно считать объективным (однозначным) критерий. Тем не менее, не все критерии могут быть сопоставлены. Так, например, субъективистский критерий распределения слов «Значение» не может быть сопоставлен ни с одним из материалистических критериев распределения монет. Наоборот, критерий «Значение» у слов, скорее, мог бы быть сопоставлен с критерием «Номинал» у монет.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: курс лекций по английской филологии. Изд. 2-е, стер. Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та, 2001. 110 с.
2. Болдырев Н.Н. Языковые категории как формат знания [Электронный ресурс] // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. №2. С. 5–22. URL: <https://clck.ru/DbyEJ> (дата обращения: 10.06.2018).
3. Брунер Дж. Психология познания. За пределами непосредственной информации. Пер. с англ. М.: Прогресс, 1977. 413 с.
4. Выготский Л.С. Избранные психологические исследования. М.: Издательство АПН РСФСР, 1956. 520 с.
5. Выготский Л.С. Развитие высших психических функций. М.: Издательство АПН РСФСР, 1960. 359 с.
6. Выготский Л.С. Мышление и речь. Изд. 5, испр. М.: Издательство Лабиринт, 2008. 352 с.
7. Емельянова Л.Ю. К вопросу о категоризации знаний в языке // Ученые записки РГСУ. 2013. №3 (116). С. 133–141.
8. Залевская А.А. Введение в психолингвистику. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 1999. 382 с.
9. Залевская А.А. Избранные труды по психолингвистике. М.: Гнозис, 2005. 543 с.
10. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина / под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М.: Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. 245 с.
11. Кубрякова Е.С. Язык и знание. М., 2004. 556 с.
12. Кубрякова Е.С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. № 1. Тамбов, 2004. С. 6–17.

13. Леонтьев А.А. Национальные особенности коммуникации как междисциплинарная проблема. Объем, задачи и методы этнопсихолингвистики // Национально культурная специфика речевого поведения. М.: Наука, 1977. С. 5–14.
14. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. Институт языкознания АН СССР. М.: Сов. энцикл., 1990. 682 с.
15. Лурия А.Р. Язык и сознание. Под редакцией Е. Д. Хомской. М.: МГУ, 1979. 320 с.
16. Мамардашвили М.К. Формы и содержание мышления. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2011. 288 с.
17. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии [Электронный ресурс]. 1867. Т. 1. 1200 с. URL: goo.gl/AZcq3i (дата обращения: 08.02.2018).
18. Мещанинов И.И. Понятийные категории в языке // Труды Военного института иностранных языков. 1946. № 1. С. 5–17.
19. Мещанинов И.И. Члены предложения и части речи. М.: АН СССР, 1945. 322 с.
20. Сахаров Л.С. О методах исследования понятий // Психология. 1930. Т. 3. № 1. С. 3–33.
21. Тарасов Е.Ф. Тенденции развития психолингвистики / ответственный редактор Ю. А. Сорокин. М.: Наука, 1987. 168 с.
22. Тарасов Е. Ф. Языковое сознание // Вопросы психолингвистики. 2004. Вып. 2. С. 34–47.
23. Филлмор Ч. Дело о падеже // Новое в зарубежной лингвистике. № 3. М.: Прогресс, 1999. С. 127–258.
24. Фрумкина Р.М. Цвет, смысл, сходство. Аспекты психолингвистического анализа. М.: Наука, 1984. 175 с.
25. Эвальд Васильевич Ильенков / Э.В. Ильенков / под. ред. В. И. Толстых. М.: РОССПЭН, 2009. 431 с.

26. Bowerman M., Choi S. Space under Construction: Language-Specific Spatial Categorization in First Language Acquisition // *Language in mind: advances in the study of language and thought* / edited by D. Gentner and S. Goldin-Meadow. Cambridge, MA: MIT Press, 2003. P. 387–427.
27. Brown R. *Words and things*. Glencoe: Free Press, 1958. 398 p.
28. Caramazza A., McCloskey M. Theory And Problems in Psycholinguistics [Электронный ресурс] // *Annual Review of Applied Linguistics*. Cambridge University Press, 1980. Vol. 1. P. 71–90. URL: goo.gl/iFwLwE (дата обращения: 08.09.2017).
29. Clopper C. Auditory free classification: Methods and analysis [Электронный ресурс] // *Behavior Research Methods*. 2008. Vol. 40 (2). P. 575–581. URL: goo.gl/Cb1YYA (дата обращения: 07.09.2017).
30. Collins A. M., Quillian M. R. Retrieval time from semantic memory // *Journal of verbal learning and verbal behavior*. 1969. Vol. 8. P. 240–248.
31. Collins A. M., Quillian M. R. Does category size affect categorization time? // *Journal of verbal learning and verbal behavior*. 1970. Vol. 9. P. 432–438.
32. Collins A. M., Quillian M. R. How to make a language user // *Organization of memory* / edited by E. Tulving and W. Donaldson. New York: Academic Press, 1972. P. 309–351.
33. Colunga E., Tolins J. How words anchor categorization: Conceptual flexibility with labeled and unlabeled categories [Электронный ресурс] // *Language and Cognition*. 2015. Vol. 7 (2). P. 219–238. URL: goo.gl/ahCAAf (дата обращения: 08.09.2017).
34. Deese J. On the Structure of associative Meaning. *Psych. Rev.* 1962. Vol. 69. P. 161–175.
35. Gathercole V., Stadthagen-Gonzalez H., Vinas-Guasch N. Bilingualism and the semantic-conceptual interface: The influence of language on categorization [Электронный ресурс] // *Bilingualism: Language and Cognition*.

2017. Vol. 20 (5). P. 965–979. URL: goo.gl/pVeyGk (дата обращения: 12.09.2017).

36. Gentner D., Markman A. B. Structure-mapping in analogy and similarity. *American Psychologist*. 1997. Vol. 52. P. 45–56.

37. Gerschhoff-Stowe L., Goldin-Meadow S. Is there a natural order for exploring semantic relations? // *Cognitive psychology*. 2002. Vol. 5. № 3. P. 375–412.

38. Goldin-Meadow S. Thought before Language: Do We Think Ergative? // *Language in mind: advances in the study of language and thought* / edited by D. Gentner and S. Goldin-Meadow. Cambridge, MA: MIT Press, 2003. P. 493–523.

39. Markova I. The ideas and concepts of the empiricists. *Paradigms, thought, and language*. Pitman Press Ltd., Bath, 1982. 229 p.

40. Noble C.E. An Analysis of meaning. *Psych. Rev.* 1952. Vol. 59 (6). P. 421–430.

41. Pinker S., Prince A. The nature of human concepts: Evidence from an unusual source // *Language, logic, and concepts* / edited by R. Jackendoff, P. Bloom, K. Wynn. Cambridge, MA: MIT Press, 2002. P. 221–261.

42. Smith E. E. Theories of semantic memory / edited by W. K. Estes. *Handbook of learning and cognitive processes: Linguistic functions in cognitive theory*. Hillsdale, NJ: Erlbaum. 1978. Vol. 6. P. 1–56.

43. Talmy L. Toward a cognitive semantics. *Concept Structuring Systems*. Cambridge, MA: MIT Press, 2000. Vol. 1. 565 p.

44. Talmy L. Toward a cognitive semantics. *Typology and process in concept structuring*. Cambridge, MA: MIT Press, 2000. Vol. 2. 495 p.

45. Whorf B. L. *Language, Thought, and Reality*. Cambridge, MA: MIT Press, 1956. 290 p.

ПРИЛОЖЕНИЕ А**Материал, использованный для проведения эксперимента с
неязыковыми объектами (монетами)**

Номинал, название валюты	Год	Номинал, название валюты	Год
1 российский рубль	1998	1 евро	2002
1 российский рубль	2005	2 евро	2004
1 российский рубль	2011	1 фунт стерлингов	2006
1 российский рубль	2012	2 фунт стерлингов	2001
1 российский рубль	2013	1 доллар США	2008
1 российский рубль	2014	1 доллар США	2011
2 российских рубля	2008	1 китайский юань	1992
5 российских рублей	1997	1 китайский юань	1999
5 российских рублей	2011	1 китайский юань	2004
10 российских рублей	2010	1 японская иена	Без указания
10 российских рублей	2013	1 индийская рупия	2012
10 российских рублей	2005	1 чешская крона	2006
		1 датская крона	2007

ПРИЛОЖЕНИЕ Б

Материал, использованный для проведения эксперимента с языковыми объектами (слова и квазислова)

Язык	Слова	Квазислова
Английский	Maker Page	Potesness Jear
Французский	Carnet	Demotèse
Датский		Vermøde
Чешский		Zhnovník
Японский	労働党	
Китайский	甲虫 岩羚羊	辘辘机
Русский	Половина Снегирь Комок Левитация Яблоко Корка	Рапантина Нуло Амекофирник Вжетка Штопань Кастонициан
Хинди	हिन्दी	

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Институт филологии и языковой коммуникации
Кафедра романских языков и прикладной лингвистики
45.03.02 Лингвистика

УТВЕРЖДАЮ

Заведующий кафедрой РЯиПЛ

 А.В. Колмогорова

« 25 » июня 2018 г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА
СТРАТЕГИИ ГРУППИРОВАНИЯ ЯЗЫКОВЫХ И НЕЯЗЫКОВЫХ
ОБЪЕКТОВ

Выпускник

А.А. Модылевская

Научный руководитель

канд. филол. наук,
доц. каф. РЯиПЛ А.А. Яковлев

Нормоконтролер

В.В. Ефимова

Красноярск 2018